

СМЕНА

1.
Собиратель
№№№
И. Давыд

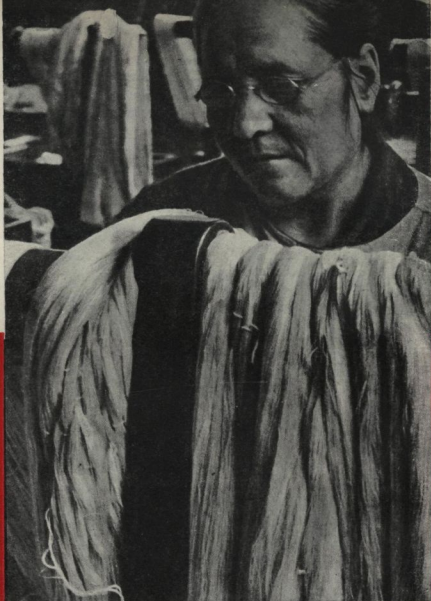
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ 1930

29-30

**РАЗВЕРНУТЫМ ФРОНТОМ МЫ ИДЕМ
В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ.**

**ОКТЯБРЬСКАЯ ГОДОВЩИНА—СМОТР
БОЕВЫХ РЯДОВ.**

**ВПЕРЕД, МОЛОДЫЕ УДАРНИКИ
ОКТЯБРЯ, К ПОБЕДЕ КОММУНИЗМА
ВО ВСЕМ МИРЕ!**

Может,

конец отцу

готовит

лапа годов.

Готовь смену бойцу

Готов!

Всегда готов!

В. МАЯКОВСКИЙ

XX 1937/1
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

№ 29 — 30 ОКТЯБРЬ 1930 г.

Литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал рабочей молодежи. Орган ЦК и МК ВЛКСМ—Изд. „Молодая Гвардия“

Ответственный редактор С. Кожрад. Заведующий редакцией Я. Юдицкий.
Адрес редакции: Москва, Центр, Новая площадь, 6, изд-во „Молодая Гвардия“
Редакция журнала „Смена“. Телефон 2-35-26.

ЗНАМЯ XIII ГОДОВЩИНЫ ОКТЯБРЯ — ПОБЕДНОЕ ЗНАМЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

КОМСОМОЛЬЦЫ, ВЫШЕ ЗНАМЯ ЛЕНИНА! АКТИВНЫЙ СТРОИТЕЛЬ СОЦИАЛИЗМА, ИНИЦИАТОР УДАРНЫХ БРИГАД, БОЕЦ ЗА КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЮ ДЕРЕВНИ—ЛЕНИНСКИЙ КОМСОМОЛ—ВСЕГДА БУДЕТ НА ПЕРЕДОВЫХ ПОЗИЦИЯХ БОРЬБЫ ЗА МИРОВОЙ ОКТЯБРЬ.

Долой дезорганизаторов социалистического наступления—правых и „левых“ оппортунистов!

Вон из наших рядов двурушников оппортунистов, предателей дела Октября!

Партия!

Знамя. Цена над тобой.
Сталин у знамени.
Взгляд его меток.

Недовыполнение плана капитального строительства в 1929—30 г., несмотря на отсутствие объективных причин, дало повод кулацкой агентуре в партии—правым оппортунистам—снова поднять визг о неспособности взятых партией темпов. Рабочий класс под руководством партии сделал другие выводы из этого. Решительным штурмом в особом квартале недовыполнение плана должно быть и будет полностью ликвидировано наряду с выполнением новых ответственных заданий по строительству. Решающая часть пятилетнего плана—план капитального строительства и технического перевооружения промышленности—должна быть и будет выполнена в срок. Необходимо усилить борьбу с правыми оппортунистами и двурушниками, пытающимися дезорганизовать гигантскую строительную работу пролетариата, поскольку подрывная работа правого оппортунизма не может не иметь вредных последствий также и на фронте капитального строительства.

(„Правда“)

Наша победа
Рабочей стеной
Мощно идет
по гряде
Пятилеток.

Нусинов, Каврайский Гальперин, Курс, Марещкин, Рютин, Сялков и др., эти подлые предатели партии, двурушники, с благословения тех, кто встал за их спиной и своим молчаливым поддержанием их, берут под сомнение всю систему большевистского руководства в развернутом социалистическом наступлении, понимают снова старые бюрократичные парталлараты, а бюрократическом окостенении его, о закреплении полезной инициативы рабочего класса“ и т. п. „Левые“ оппортунисты, троцкисты разных оттенков, „левики“ фанатически разделяют эту программу кулацкого, кондотьевского-громазовского „бунта“ против нашей партии и против диктатуры пролетариата. Создается блок правых и „левых“ против нашей партии. Этот блок снова вытаскивает троцкистские требования об увеличении цен на промтовары, вытаскивает троцкистское требование об ослаблении большевистской дисциплины, вытаскивает троцкистские приемы шельмования вождя партии. Вон из партии дезертиров, предателей, двурушников, правых и „левых“ оппортунистов, срывающих социалистическое наступление!

(Из резолюции партячейки ИКП)

В КОММУНЕ — — ОСТАНОВКА

Э. Норов

ХОТИМ РАСТИ БЫСТРЕЕ

Десять месяцев тому назад свернули первые молики капиталистического кризиса на Нью-Йоркской бирже. Тогда адвокаты буржуазии пытались утешить своих господ ссылаясь на то, что болезнь может оказаться кратковременной, что унывать нечего. Сейчас мистер Бернес, председатель американской конференции промышленников, уныло пожимает плечами:

— Нисколько утешений! Большого все время лихорадит!

Навязчивый репортер требует цифр. И унылые цифры, как пожеванные осенние листья, валяясь на разграфленные листки блокнота.

За восемь месяцев производство чугуна снизилось на 19 процентов, стали на 23 процента, автомобилей на 36 процентов. Медь, цинк, машины, новые постройки — один и тот же печальный прилив: снизилось, снизилось, снизилось, снизилось.

Мистер Бернес — человек с крепкими нервами и прославленным коммерческим оплотом. Он получил воспитание в стране бизнеса и хорошо вышколен.

Английские журналисты — люди менее сухого склада. Поэтому невеселые цифры английской промышленности они снабжают трогательской фразой: «Общий тон промышленных кругов — мрачное огнище».

Где же не упадок, а рост?

Может быть, в Германии, по улицам промышленных городов которой бродит три миллиона безработных? Или в Польше, где на шестьсот тысяч занятых рабочих приходится 300 тысяч безработных?

Мимо, мимо!

Единственная страна, в которой кризис бежит вперед, это страна, где нет капитализма, нет просвещенных Бернесов и Фордов, управляющих судьбами индустрии.

В этом главное, решающее. Сейчас мы бьем в вабб, зовя на ликвидацию кризиса, но ведь кризис на нашем языке означает не снижение, а недостаточный рост. Мы хотим и можем расти быстрее.

Вот например пятилетка на истекший год намечала прирост промышленной продукции на 21,5 процента. У нас прирост. Значит пятилетка не выполняется? Выполняется и с избытком. Прирост равняется 25 процентам. Мы отстали от повышенного задания в 32 процента, но переждали пятилетку!

Прирост в промфинплане 1929/30 г. не может выстраиваться в стройную колонну цифрами роста.

— 26 процентов, — разгружат нефтяные вышки Баку, Грозного, Майкопа.

— 17,6 процента, — доносится из-под шлюзов доонецких и кузнецких угольных шахт.

— 24 процента чугуна, 17,6 процента стали, — сообщает Урал и Криворожье.

На 43,2 процента выросла выработка электроэнергии. А мы не только бурно аллюдируем отдельным успехам, но требуем отста.

— Доббас, верни угольный дог!

Где неподвижный чугун? Мы растем быстро, но хотим и можем расти еще быстрее.

Вот почему разгорелась великая война людей и машины против всех остатков спички, солидности, леги на всем протяжении Советского союза. Вот почему бойндии колоннами идут в атаку ударники, чтобы не было ни одной брешы во всем фронте индустрии, чтобы полным ходом, не кренясь назад, вошел в порт нового хозяйственного года дреждут советской промышленности.

ПЕРВЫЕ ИЗ ПЕРВЫХ

В Москве первая ударная бригада возникла на заводе «Каучук». Теперь этот завод вышел на передовую линию огня: он один из трех передовиков, которые досрочно выполнили программу хозяйственного года.

41 ударная бригада оспаривает сейчас друг у друга первенство в качестве работы. Тут же у станков пионеры ударничества. Это две молодые работницы-комсомолки Лена Пахук и Маруся Соловьева. Выдались им приходится выслушивать брань отсталых рабочих. В цеху еще жили рваческие, шкурнические настроения. Но вот миновали месяцы, и те самые работницы, которые насмехались над Леной и Марусей, теперь стали заправскими ударниками.

Обратиться к ним с вопросом о том, как они встретили первую ударную бригаду. Застыдысь, руками замашут: крепко сейчас вошла в их сознание мысль о том, что они хозяева производства.

В Ленинграде завод К. Маркса — значущий встречного промфинплана.

Что двинуло вперед рабочую инициативу? Загнанные на заседание революционно-производительного трибунала, происходившее в одном из цехов. Судьи — рабочие-ударники, обвинения — рабочие-прогуляльщики. Обвиняемые чувствуют себя, как на настоящем суде. Обвиняют их не по статьям кодекса:

— Рваче так работают на социализм?

На социализм нельзя работать по-старому. Вот разгадка энтузиазма ударников.

Профинплан выполняется напором масс. Передовые берут на бисур отстающих. Это рождает прилив заводской гордости: чем мы хуже других, почему мы палеши в хвосте? Когда в Криворожье решили выйти на общесоюзный Северный шаг, рабочие исполнились: отложите, дайте сами выработать из беды. Три дня отстроили подучили рабочие, и за эти три дня добыча сделала резкий скачок вперед.

НЕ ОСЛАБЛЯТЬ ШТУРМ

Миллионы ударников дали нам блестящие успехи. Но задачи остались огромными. Три последних месяца текущего года составляют особый квартал в связи с перенесением начала хозяйственного года на 1-е января. Полностью наверстать все упущенное за год, во всеоружии вступить в третий год пятилетки — вот задача особого квартала.

А что должен дать третий год пятилетки?

Наступающий год является одним из наиболее серьезных этапов нашего развития.

В этом году должен развернуться во всю шпёр Машинострой, на который будет затрачено в течение года 200 миллионов рублей. За им будут расти корпуса Кузнецкострой, Нижегородского автозавода, Харьковского и Челябинского тракторных гигантов, Комбайнстрой в Саратов, Бобриковско-Беренниковского химкомбината — могучая поросль новой, социалистической индустрии.

Такая гигантская задача по плечу только свободно распоряжающемуся своей судьбой рабочему классу, идущему на штурм хозяйственных трудностей во имя социализма.

Особый квартал должен дать разгон основным отраслям производства для того, чтобы легче было взобраться на крутые склоны контрольных цифр 1931 г. 17 миллионов тонн угля должны дать шахтеры в особом квартале! Это почти вдвое больше прошлого года за тот же срок. Полтора миллиона тонн чугуна требуют растущие нужды машиностроения. Только таким путем величайшего напряжения всех сил можно покрыть металлургический дог стране и протодатить возможность новых прорывов.

Продвигая вперед в деле коллективизации, добиваясь быстрого увеличения сельскохозяственной продукции, мы должны обеспечить помощь колхозам и совхозам машинами, тракторами, химическими удобрениями. Без дачного выполнения программы особого квартала трудно будет удовлетворить непрерывно растущие потребности сельского хозяйства. Это должно стать лишней зарпубкой в памяти ударников: не уменьшать натиск, не ослаблять энтузиазм.

Пусть борьбы за социализм идет крупным подъемом. Многие хвосты, взобраться на которые нам надо, кажутся почти отсыснми. Но привалов, мирного успокоения быть не может.

— В коммуне остановка!

Сегодин, 7 ноября, в XIII годовщину великой Октябрьской революции, эти слова должны стать знаменем каждого комсомольца, каждого молодого рабочего.

ГРАММОФОН СИСТЕМЫ „ДВУРУШНИК“

Рис. Кукрыниксы

„Правые и „левые“ оппортунисты в программных установках окончательно поддают друг другу руки. В своей предательственной работе правые оппортунисты — эта кулацкая агентура в нашей партии — сражаются с контрреволюционным троцкизмом на почве объективной защиты дела восстановления капитализма в нашей стране“, и их предательская работа „смыкается с устремлениями буржуазной реставраторской и вредительской группы Кондратьева и Громана“.

ПЕРВЫЙ ШКВАЛ

Н. Оружейников

... ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ВПЛОТЬ ДО 1905 ГОДА НЕ ЗНАЛО ЕЩЕ, НАК ВЕЛИКО, НАК ГРАНДИОЗНО МОЖЕТ БЫТЬ И БУДЕТ НАПРЯЖЕНИЕ СИЛ ПРОЛЕТАРИАТА, ЕСЛИ ДЕЛО ИДЕТ О ТОМ, ЧТОБЫ БОРЬБЫ ЗА ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ВЕЛИКИЕ ЦЕЛИ, БОРЬБЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО РЕВОЛЮЦИОННО!

Ленин

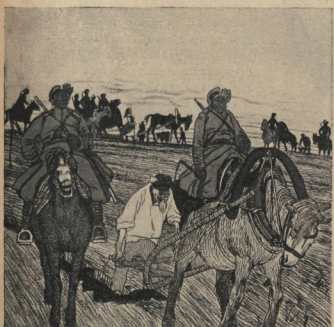
«СМЕРТЬ ИЛИ СВОБОДА»

Вся Россия уже влохотала крестьянскими бунтами. Рабочие дружины жадно обучались стрельбе и то там, то там вспыхивали Крестный флаг, поднятый на «Потемкин», уже промышленку, как грозная зарница, перед глазами всего мира, когда, ледяная артерия железных дорог, скользящая оцененным корпусом фабрик и заводов, раздалась по стране великая Октябрьская забастовка. Революционные вихорки предвещали неминуемую грозу. Еще на следующий день после Кровавого воскресенья, когда не знаяк раны у рабочих, изрубленных солдатскими саблями и пробитых пулями солдатских винтовок, Ленин писал:

«Рабочий класс получил великий урок гражданской войны; революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серые, будничные, забытые жизнью. Лозунги героического петербургского пролетариата «Смерть или свобода» уже перекатываются теперь по всей России».

Октябрьская забастовка 1905 г. развратилась уже на гробие революционной войны, когда были приведены в движение широчайшие массы рабочих, еще несколько месяцев до того вершине рассказаным пона Гапова, что, придя к крестным ходом к царскому дворцу, можно умышленить «дядь-батьку» и добиться от него помощи против фабрикантов, чиновников и полиции.

Позным поражением закончилась маневровая авантюра царского правительства, позлагающего «скаждать шапками» яндоцев и наткнувшегося на противника, сумевшего раздвинуть русские армии и царский флот, как орокую скорую. Провалился затея правительства успокоить разбушевавшееся общественное море карикатурной булгарской думой, в которой рабочие дожди были совсем отсутствовали, а за помещики, купцами и фабрикантами остались две трети голосов. По всей стране, как ручьи, пробивающиеся сквозь снега, разрастались различные профсоюзы, очень быстро находившие свою политическую программу. Амнистия политическим заключенным, гражданские свободы, созыв учредительного собрания — вот лозунги, преобладавшие в эти дни.

В ходе событий росло влияние большевистской партии. Большевики, как в пример колдобающейся и трусливой позиции меньшевиков, устраивавших огромное размаху движения, прямо держали курс на всеобщую стачку и готовились к вооруженному восстанию, к сравнению с царизмом на баррикадах.

В Москве стачка печатников была поддержана почти всеми фабриками и заводами; движение охватило и московский железнодорожный узел, а созданный правительством съезд железнодорожников явился точкой всеобщей стачки.

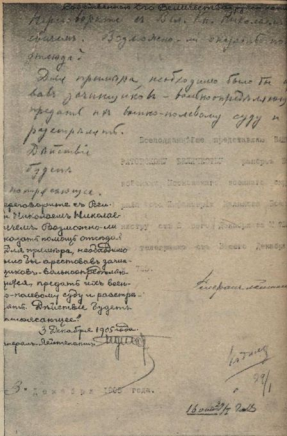
Правительство, созывая съезд железнодорожников для обсуждения вопроса о железнодорожных пенсионных кассах, вероятно думая использовать это для успокоения рабочих. Съезд наполювино состоял из заведывающих пенсионными кассами, и от этих чиновников, казалась бы, нельзя было ожидать доброй воли. Но сила революционной стихии заставила съезд смотреть с гладким релес и рвануться вперед, к революции. Вместо устава пенсионных касс предметом прений стало урезанное содержание, отмена смертной казни, свобода слова, печати, собрания, союзов, отмена законов, направленных против революции. Когда попытки уговорить министров Хиланди и Витте ничего не дали, съезд 12 (25) октября объявил всеобщую железнодорожную забастовку. Призыв не остался без отклика: не только железные дороги, но и фабрики и заводы прекращали свою работу.

ПЕРВЫЕ ФОРТОСЫ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ

В огие стачки рождается Петербургский совет рабочих депутатов, а следом за ним такие же советы в крупных промышленных городах. Создают первые форматы пролетарской диктатуры, спустя двенадцать лет ставшие огагами посконой социальной революции. Вырастают первые ячейки новой, революционной власти, ибо, надо прямо сказать, некоторый период Петербургский совет обладал известной реальной властью. Достаточно прочесть рассказы очевидцев о том, как печатались «Известия совета», чтобы убедиться в этом. «Известия» не имели собственной типографии, которая могла бы справиться с большим ежедневным тиражом. Подпольные типографии были рассчитаны на гораздо меньший объем продукции. Какой же выход нашли руководители совета? Они прибегли к захвату поочередно различных типографий буржуазных газет. Изю дня в день рабочие добровольцы являлись в эти типографии и, по стовору или угрожай приличеств стелу, овладевали нужными органами печатного слова. Эти участки не миновала и ставшая источником крамольной рабочей газеты типография черносотенного «Нового времени», несмотря на сржезт зурбонный ее хозяев.

«ПАТРОНОВ НЕ ЖАДЕТЬ»

Классовая борьба начинала принимать все более обожанные формы. На третий день ближайший подручный царя петербургский генерал-губернатор Трепов издал свой знаменитый приказ о том, чтобы «в оказании со стороны толпы сопротивления хозяйских заповею не давать и патронов не жаждать». 17 (30) октября появились царский манифест возмещавший частично гражданские свободы и некоторые подобие конституции.

тучи. Манифест этот правительство решило выпустить как «дурную вещь». Но вместе с тем готовился решительный поход против рабочих; организовывались черносотенные погромы.

Первыми жертвами манифеста ознаменовались не только крупными политическими манифестациями, выражавшими энтузиазм по поводу успеха, одержанного забастовкой, но и серьезными кровопролитными столкновениями.

Снеию организовывались шествия из дворников, передетых полицейских, нанятых громия и хунгаров, которые, горая черными тучами с трехэтажными флагами направились по улицам городов, устраивая еврейские погромы и нападая на политические революционные демонстрации. В Архангельске такой погром был устроен 19 октября. Черносотенцы, избившие в честь царского манифеста политических сыльных, наглядно демонстрировали, какого рода «свобода» по вкусу царю и его приспешникам. В Киселеве 9 октября учинили еврейский погром, при чем для большего эффекта войска не только покровительственно следили за тем, чтобы погромщикам никто не помешал, но даже открыли артиллерийскую пальбу по домам, где погромщиков встретила еврейская самооборона. Кровавые погромы произошли в ряде местечек Бессарабии. В Иваново-Вознесенске 20 октября казаки разогнали рабочих митинг, а с 22-го началась патристическая шестидневная черносотенцев и еврейские погромы. В Выльге, где полиция отличалась стрельбой по рабочим еще до издания манифеста, она не перестала усердствовать и после объявления «свободы»: 30 октября было убито и ранено 40 человек демонстрантов; 21-го стрельба была погнорена и унесла из рядов демонстраций еще семь жертв. Виттебск, Екатеринбург, Казань, Минск, Могилев — везде, вплоть до Москвы, манифест служил сигналом для погромных выступлений. Правда, в Москве избивали уже не евреев, а студентов.

МАНИФЕСТ НИКОЛАЯ, РУКА ТРЕПОВА

Такова была подлинная зверина морда самодовольия, из которору автор манифеста хотел «навалить «конституционную» маску. Не даром в журнале «Плуемет» манифест появился с отпечатком кровавой руки и надписью: «в нем месту свиты его величества генерал-губернатора Трепова приложилась». Не даром быстро вошла в обиход чашушка:

Царь Николашка
Издл манифест:

Мертвым — свобода,
Живым — под арест.

Однако чернотенный поход не мог приостановить развитие революции. Полнейские сводки переполнены тревожными сообщениями о революционных и контрреволюционных демонстрациях. В Петербурге огромные толпы демонстрантов были разогнаны только после того, как в ход пошли слезоточивые газы. Несмотря на то, что после манифеста забастовочная волна спадала и 21 октября Петербургский совет тактично предложил прекратить стачку, атмосфера продолжала обостряться накаленной. Рабочие усердно вооружались, в деревнях разражались форменные восстания крестьян, при чем земельные волнения в той или иной форме охватили около 240 уездов.

Уже 2 (15) ноября Петербургский совет снова попытался объявить стачку под лозунгом «Долой полевые суды! Долой смертную казнь! Долой военное положение в Польше и во всей России!» Однако стачка не перепелась за пределы Петербурга и 7 (20) ноября была прекращена. С этого момента начинается постепенный отход от революционного движения буржуазные круги, которые на первой ступени борьбы за буржуазную конституцию, не перчась бы строить глаза рабочим. Новое восстание во флоте, возглавленное лейтенантом Шмидтом, завершилось кровавым разгромом восставших. Снова прокатилась волна арестов. В числе арестованных оказался председатель совета рабочих депутатов Хрустев-Носарь.

В ответ на наступившее правительстве совет постановил 27 ноября (10 декабря) готовиться к вооруженному восстанию. Совет призвал трудящихся брать свои обережения из «сберегательных касс», требов улаты зноуемых монет, и вместе с тем прекратить всякого рода платжки в казну. За напечатанного этого воззвания было закрыто девять газет. Правительство торопилось с репрессиями. Оно объявляло запечатанными все воспретило союзы железнодорожников, почтово-телеграфных и телефонных служащих, а 3 декабря, оцепив дом, где заседал совет, арестовало около 200 человек. Совет перестал издавать указы и тем прекратил с конференции 29 декабря дарог была снова объявлена всеобщая политическая забастовка.

МОСКВА ВОССТАЛА

Началась заключительная глава революции. В Петербурге забастовка натолкнула на ряд предосторожностей правительства. Из-за усиленной военной охраны забастовка не могла охватить железные дороги. После десяти дней стачки она оборвалась. В Москве события приняли иной оборот. Здесь стачка стала сразу всеобщей. Появились баррикады. Боевые дружины рабочих готовились к бою. Восстание приняло такие размеры, что в ход пошла артиллерия, конница, целая армия, мобилизованная против нескольких дружинок. С 10 (23) по 18 (31) декабря царские войска атаковали восставших. Преславный район, являвшийся главной штаб-квартирой дружинок, был подвергнут сокрушительному артиллерийскому обстрелу. Военные донесения гласили, что артиллерия зажгла фабрику Шмидта, Енриковские бани, частные дома и казармы петроховских рабочих. В операциях участвовало несколько полков пехоты, при чем московский генерал-губернатор Дубосав все время молчал о помощи.

За разгромом Пресни следовал разгром рабочих дружинок в подмосковных пунктах. Полковник Минг, отравлявший экспедицию Семеновского полка по Московско-Кавказской железной дороге, в наступившем приказе предупреждает: «Арестованных не иметь и действовать беспощадно». Такие же экспедиции стали рыскать по всем районам, где имели место революционные выступления. В Сибири, на Кавказе, в Прибалтийском крае свирепствовали разного рода генералы.

32 000 УБИТЫХ, 70 000 ЗАКОВАННЫХ В КАНДАЛЫ

Вот рассказ тов. Петера о расправвах, которые творились, опираясь на карательные экспедиции, прибалтийских помещиков:

«Мне помнится холодная январская ночь, когда все мы были предупреждены, что к нашей волости, где я в это время находился, приближается карательная экспедиция. Мы стояли на опушке леса и слышали дикие песни пьяных казаков, подъезжавших к хутору брата моего товарища. Потом крики и мольбы женщин и детей, и в тот же миг хутор со всеми сараями и всем добром охватывался пламенем. Раздается залп, снова крики, и рядом с развалинами лежит расстрелянный крестьянин...»

В Латвии происходили жестокие удары палачи на революционную молодежь, которая уходила от расправы в леса, вела настоящую партизанскую войну с баронами. От прибалтийских «карателей» не оставал ни колхозы в Сибири, Польше. Реакция стремилась утопить в крови самое воспоминание о революции. По самым умеренным подсчетам, число убитых и раненых в 1905 г. мятежного рода Меллерам-Законельскими, Янганами, Римаанами и другой золотопольской сволочью, руководившей карательными экспедициями, равняется 32 000. Около 70 000 человек были брошены в тюрьмы.

ЗА УБИЙСТВО БАУМАНА — ЦАРСКАЯ МИЛОСТЬ

Сам Николай II жадно следил за расправой. Он торжествовал, когда ему доносили о каких-либо особых «подвигах», и злился, если не была проявлена подлинно зверская жестокость. На полях сообщения о том, что капитан Рихтер не только расстрелян, но и вешан главным агитатором, Николай II восторженно заносит: «Молодец! Когда ему доносят, что якобы 162 анархиста-подстрекателя» перерубали за агитацию на Восточно-Китайскую железную дорогу, царь испуганно вопрошает: «Неужели этим 162 анархистам дадут возможность развращать армию? Их следовало бы всех повесить!» Но вот генерал Корузовичев после восстания в Тукуме, руководивший недостатком снарядов и мольбами жителей, которые на коленях подносили ему хлеб-соль, не произвел артиллерийского обстрела города. Такое мягкосердие возмутило Николая II. Он написал на донесении: «Это не причина. Надо было разорвать город».

К палачам он надолго сохранил самую жаркую благодарность. Когда Меллер-Законельский был убит в мещеничестве, принесшем ему ровно 210 000 рублей, то царь дважды, несмотря на недоуменные запросы министра юстиции, приказал прекратить су-

дебное следствие ради заслуг превосходительного запяченных де мастера. По поводу похушения на Дубосава царь разражается целой слезинкой и не забывает при этом настойчиво требовать смерти для похушавшихся. «С оверзанными людьми другого способа борьбы нет и быть не может», уверяет своего соратра этот коронованный выродок. Даже убийце революционера тов. Баумана царь простила не только это преступление, но попутно и кражу самовара. Очевидно, воровство не в учок спасало отечества.

Революция 1905 г. не получила победоносного завершения. Она осталась весной генеральной репетицией Октября, уже окончательно свалившего в мусорный ящик истории те самые помещичьи-капиталистические классы, всю ту именитую гниль, которая уродовалась вешателем Мином и Меллерам-Законельским. И все же ничто, кроме отупления, не могло возбудить плекхановское «загробное слово» над молами павших шагнаторных баррикад.

ОКТЯБРЬ 1905 г. и ОКТЯБРЬ 1917 г.

Неудача восстания не могла умалять его огромного революционизирующего значения, исключительной поучительности политических уроков, внесенных протестартом из этой полосы классовой борьбы. Революция 1905 г. приобщила к политической жизни сотни тысяч рабочих. Она развела по ветру иллюзии о возможности притти к свободе мирным, «соглашательским» путем. Она являлась важнейшим этапом по пути укрепления союза рабочего класса с крестьянством. Но в месте с тем именно отсутствие правильного сочетания крестьянской войны с революцией пролетариата помешало этой народной революции устранить самодержавие.

Октябрь избежал этой ошибки. Октябрь силд воедино рабочее движение в городе с восстанием солдат и крестьянским походом против помещиков. Этого благоприятного сочетания не сумели достичь в 1905 г., хотя почва в армии и во флоте была достаточно накалена, хотя крестьянство бурляло, как море по время цикала.

Но государственный корабль царизма вышел из этого испытания с немалыми пробоинами, а наступившая черная реакция не смогла предотвратить нового революционного взрыва. Динамитный патрон, заложный 1905-м годом, вспыхнул через 12 лет, и все здание царской России обратилось в груды развалин.

НА СНИМКАХ: стр. 4 сверху — рапорт царю о волнениях в армии в его революцию; внизу — рисунок в журнале 1905 года «Жульетт». На помещицьем поле»; стр. 5 — рисунок из журнала «Лейпциг»; «Нощмар».

ПРОХОРОВКА

А. Бауткин

1905 г. в Москве — это бой на Пресне, это разгром первой революционной ярмарки — Прехоровка, как звали тогда Прегорой и жиды. Среди рядов соседних фабрик и заводов Прохоровка была самой шумной. В ней было 77 рабочих. Подпольная работа революционной партии велась здесь интенсивнее, и среди рабочих было много коммунистов и различных группировок. С октября 1905 г. деятельность революционных групп усилилась, вскоре было затребовано оружие, и 12 окресторяде вошли в объединенную дружку меллеподорожников, а потом организовали самостоятельную дружку. После объявления дворянской забастовки по гулаку Прохоровки отменили 8 фабрик. 11 декабря на Прохоровке был организован боевой штаб, и все Пресни возмущало сильное баррикада. Из всех домов рабочие ставили ящики, бочки, ящики из ящика телеграфные столбы, рвали проволоку. Баррикады были на Художеской площади, на Лесной улице, у Горбатов моста. 12 декабря войска начали обстрел фабрик в рабочих чинах. Семиневский огонь по главе с командой Ником домочечных разгром. Впоследствии было подожжено. Никольский суд в разрыве".
Наконец пошел день отрыва из ямки с 1905 года, называвшей рабочей кассетная тун. А. Бауткин.

На улицах Москвы в 1905 г. (рис. на английском журнале)

— Сегодня вечером будет митинг на кухне, все на митинг! — кричала Лелька и бросилась с оставшимися листовками на второй этаж по мугунным ступенчатым лестницам.

На втором этаже ситценабивного корпуса помещались вспомогательные цеха с громоздкими машинами.

Из отбельной, из кубовой, красящих принимался товар на второй этаж, на сушильные барабаны и выходил через качалки-самомаклады в тележки. Часть товара проходила через зрельно и запарку, где рисунок как бы проявлялся, как при фотографировании. Лица работников здесь, женщины были желты, как лимонная корка. Барабаны, зрельно, запарку обслуживали женщины.

— Лель — окладывала парню, одна из девушек, стоявшая у крана с водой.

Это была Нада, промывальница пятен. Промывку выполняли три девушки. Около них стоял целый транспорт нагруженных тележек, на которых свисали пята, товары и пятами для промывки. Девушки целые дни стояли у крана с холодной водой, промывали с мылом пята, отжимали.

— Лель, наверно забыла еще опать скоро?

— Приходите, девки, сегодня на кухню — будет митинг. Почитайте вот Нада вытерла руки и влезла за уголок промакнула. Руки ее были холодны. Она согрела их дыханием.

Лелька спешила в курилку стригальню-чесальную цеха. За стригальней машинной сидел его давнишний знакомый — рабочий Иван Демидыч, который жил в Грузинах в том же доме, где Лелькина мать. Работал в стригальне 9 лет, получал 58 копеек в день. Лельку он очень уважал за грамотность и всегда соглашался с его мнением. Порой парню было даже совестно...

— Здравствуйте, Иван Демидыч!

— Здравствуйте, Леонид!

— Много в курилке народу?

— Фу мор! Как у вас тут много шуму летит. У нас в красковрке тоже нет... Только воздуха пахнет.

— Та, воздух у нас там очень пахнет.

— Иван Демидыч. Надо бабам раздать вот эти листочки.

Иван Демидыч задергался.

— Идите, Леонид, в курилку, я сейчас приду, а то вы наш мастер идите.

— Идите Демидыч, вы же знаете, что у нас наиболее тяжелых профессий. Рабочие с двух прочесных чесальных машин, выработывавших зимние ткани, курилки, кашалы и пеленали на пол. Рабочих стригальных машин, которые стригут ворс и застилали на товар, можно было узнать по деревянным палочкам, которыми они стрегали пух у ножек. Стригальню-чесальные рабочие сидели скорчившись; казалось, они жмичают или фыркают с кисельного смеха. Но зато была привычка откашливаться от цесуночных горло волюнок.

Рабочие опальной мастерской, с землистым цветом лица, говорили об октябрьском манифесте.

— Как работали 11 часов, так и работаем...

Было ясно, что 8-часовой рабочий день для опальной был вопросом жизни. Их организм в течение вереницы лет привыкал к старому гулаку у машин. Их работа заключалась в том, чтобы опалить на раскаленных докрасна желобах порс и обрывать нитки на суровом товаре. Они хвалились, что дома на них не действует уже самый сильный жар, от которого все «на карачках ползает и весь чернел было».

В курилке Лелька увидел молодых ребят, недавно поступивших на фабрику. Красные щечки, упитанные, веселые и гордые, они еще недавно назад возбуждали зависть. Их назначили наибольшими кубов в мерсеризации.

Они влезали в клеенные чаны сквозь узкое отверстие и укладывали быстро бегущие мокрые агуты товара в чаны. Работа велется в темноте, при 35° температуры, без доступа свежего воздуха. Ребята потеют и в течение 2½ часов беспрерывно кладут ряды агуты, уминают их босыми ногами. Выходит на чаны в мокрой рубашке, идут курить, дышат чаб, как загнанная лошадь. Наибольшими кубов чатов болеют. Эти отборные здоровяки и силачи из рабочего класса часто падали в обморок в своих чанах-теплицах.

Частенько из куба высовывалась голова парня с мокрыми волосами. Он кричал во все горло:

— Эй! Тащи!

Это значило, что товарищ упал без сознания и нужна помощь товарища. Через 2-3 месяца мордастые подростки — наибольшими кубов — истощались, иннацивали сердце. Они приходили домой с мыслью.

— Спать, спать...

Есть не могли. И до такого состояния эти юноши доходили за 2-3 месяца работы в темноте куба по 11 часов в день вместо 4 и 6, как того требует возраст.

Курилка — для рабочих тяжелых профессий всегда была заслуженным отдыхом. Вот сидит, курит марочку целая артель молодых ребят — 6 человек. Это котлощиты.

Они берут на урок в паровой котел целую артелью и чистят скреками нахлещ, лежа в неудобных кубов в котлах, еще не совсем оставших. Работают голые в темноте. Семнадцатилетние ребята работали по 11 часов и большей частью в ночное время.

Иван Демидыч вошел в курилку, когда Лелька уже роздал с дескток прокламаций.

— Надо бы и бабам раздать, — заметил кто-то. — Загляни к ним в парламент.

— А где это?

— Рядом. Ведь они тоже, как и мы, заседают в своих уборных.

Молодой котлощит в блузе, потянутой на голые плечи, подступил к Ивану Демидычу и, указывая на окошко под потолком курилки, сказал:

— Загляни-ка, отец, к бабам в уборную.

Иван Демидыча подсадили, и он стал глядеть через окошко.

1. ПРОКЛАМАЦИИ

Лелька работала на Прохоровке в красковрке.

Мастера-краскотеры составляют по рецептам загущенные камедью краски для набивки узоров. 48 печатных машин, красящих, кубовая, отделочная, отбельная, мерсеризации и другие цеха отряжают в красковрочную целые отряды подвозчиков и подносчиков корок.

Самые большие, многолюдные цеха фабрики — печатная, красящая и отбельная — помещаются на первом этаже. Коридоры и проходы из этих цехов сходится узком у красковрке.

И главная уборная станция всех путей и дорог нижнего этажа — это курилка, уборная красковрки. Здесь, в полутемном помещении, по соседству с писсуаром, на самодельных скамьях, сидят на полу сидели рабочие на разных цехах и курилки. В этом клубе спокон века проветривался воздух свободы слова. Самые сложные вопросы политики и быта обсуждались здесь, неприказно, вечно материальное слово, дерли выхвачивалось общественное мнение.

Лелька зашла в курилку с пачкой прокламаций, которые отпечатала вместе с Честным на гехстофаре по заданию стачечного комитета. Прокламации должны были подготовить рабочих к созданию Московского совета рабочих депутатов.

В этот день в курилках стригальни, механической и ткацкой все лидеры курилки как-будто сговорились: речь шла о политической цели стачек.

Какой-то устатый рабый рабочий огромного роста, с газдой грудью, дал свое медное горло, загудев оппонентом.

— Ты, Кохов, подожди! — Пытались остановить лидера несколько малорослых рабочих. Они хватили его за руки.

— Ну разве это не победа? Получили 20% прибавки и 3 рубля квартирных.

Кохов гремел свое:

— Какого чорта вы лезете с трешницей? Вся рабочая Россия бастовала дружно! А требовали каждый свое, взарабр, по мелочу. Если бастовать, надо иметь общую цель. Например — 8 часов работы.

— А кто нас объединит в этой борьбе? Кто?

Лелька высочила на середину, и звонкий голос его врезался в общую курилку.

Объединим нас все! Совет рабочих депутатов от всех фабрик. Мы 8-часового рабочего дня взарабр не добьемся.

Лелька замкнула листовками.

— Берите, товарищи, читайте!

Он сунул прокламацию Кохову. Рабочие поспешили к Лельке. Он вскопал на линейку и стал раздавать прокламации.

— Ну, как, много там бэ? — Да, бэ, очнь много. — Все с любовьюством смотрели на Ивана Демидча, стоявшего на плечах товарищей — Что они там делают? — Курят, что ли? — Нет, Подосумки грызут. — Приподими окошко, послушай, что говорит.

Иван Демидч приподнял окошко и стал дышать.

Лелька сунул в руку Ивана Демидча оставшиеся прокламации и сказал: — Бросьте им через окошко и слушайте. Стрелянчик отказались, решительно заступил руку через окошко и бросил в женский парламент прокламации.

2. СЛЕДОВАТЕЛЬ

Дверь в камеру следователя открылась, и Лелька вошел в светлую комнату. — Подойдите ближе, — грубовато пригласил Лельку человек лет 38 и, опершись грудью на край стола, молча уставился на него. Темные волосы этого человека, стриженные под машинку, уже хватили изморозь.

«Наверно, такая шкура у бобра», подумал Лелька.

И как только следователь наклонился над кочками бумажек, с кратким обвинительным материалом Мина и поручика Агаинова, Лелька взглянул в окно.

«Здесь нет решетки!»

И стало как-то спокойно на сердце. Паркетный пол, белые стены без надписей, большое окно — все это показало парнишке новым, особенным.

— Где вы тут записаны? Ваша фамилия Опшов?

— Да.

— Ах, вот! — следователь жадно стал читать.

Перед ним лежал клочок бумаги в восьмьюшку листа, на котором было написано шесть имен и кратчайшее обвинение. Тут же стояло и обвинительное заключение, кого куда направить. На клочке бумаги было написано:

4. **Беликов Анатолий Павлович.** Был студент. Арестован за распространение прокламации. Освобожден по манифесту. Отправить в полк.

2. **Николай Зеров.** Ученик у Прохорова. Боевой дружинник. Отобран револювер Смит-Бессон. Отказался что-либо показать (расстрелять).

3. **Леонид Опшов.** Составлял требования. Вед агитацию о разделе фабрики рабочим. (Знарок расстреля зачеркнут и другая резолюция: отправить в полицию).

4. **Суриков Иван Васильев.** За то, что ругал товарища (пьяный). Освобожден.

5. **Фирсанов.** Книги. Отобрано 895 руб. Для роздачи рабочим Штата. Свободен.

6. **Михаил Лехин.** С мамонтовской фабрики. Боевой дружинник. Был делегатом (расстрелят).

Подпись: поручик Агаинов.

Прочитав этот следственный материал, следователь долго смотрел на Лельку.

«Взгляда его скользя по жесткому полу — приподому зацепу на левой части головы, у самого уха. Этот непокорный вихор и слегка сросшиеся брови придавали лицу подростка выражение упорства и энергии.

— Сколько вам лет?

— Семнадцать.

— А сидите сколько? Месяц?

— Да, и два дня.

— Ваше имя Леонид... Как же вас звали дома? Леша?

— Нет, меня звали Лелька.

— Ну, Лель, расскажите, что вы там делали, на Прессе. Можете сказать? Да вы не смотрите на меня так... Я не Агаинов. Раз по папи к гражданскому следователю — ваше дело уж не так плохо.

Лелька смотрел на клочок бумаги, где против его имени стоял крест, значок расстреля.

поставленный Агаиновым и зачеркнутый его же рукой.

— Ну, рассказывайте.

Следователь увидел, что у Лельки слегка дрожали пальцы, когда он машинально стиралю соринку на рудке бумаги.

«Бедный мальчишка — подумал следователь. — Сейчас будет путать, оправдываться».

И тут же ему пришла на память слова Некрасова:

*У кого не слабей шаг
Перед дверью тюрьмы и могилы?*

— Почему вы были арестованы?

— Лелька гордо отвернул взгляд на окно и сердито ответил:

— Я не был арестован, потому что арестуют преступников. Я был захвачен в плен, как солдат революции.

— Тише, тише! Успокойтесь! — следователь чуть улыбнулся, и взгляд его остановился на ямочке подбородка Лельки. Губы парня дрожали, и на виске прыгал какой-то жевачок. — Неужели вы так и Агаинову сказали?

— Конечно. Когда Колю Зерова из нашей школы повели расстреливать, в тотом Иончева, и приготовился тоже умереть... За один день нас арестовали и судили больше 200 человек; расстреляли на фабрике тринадцать.

Следователь удивленно рассматривал подростка.

— Как происходил полевой суд, Леша? Расскажите подробно.

— Околоточные и пристав Шестаков бежали с городами по спявшим, по всем заморам каляинско-запсковским и хватали нас. Мина и Агаинов зашли в контору на фабрике со свидетелями. нас посадили в ткацкую контору. До вечера водили на допрос, а потом звали под усиленный конвой сперва шестерых, потом еще семь человек. Расстреляли троих Учеников из нашей школы: Короткова, Иончева и Зерова. А потом Колю Минаева, Ваню Илошину, Захаренкова, Белоусова и еще других ребят.

Следователь перебил:

— Ребят?

— Конечно ребят! — Лелька сжал кулак. — Из тринадцати расстрелянных только троем было больше 20 лет; Лахтину с Мамонтовки было 24 года, а остальные, прохоровичи, были моложе Лахтина. У стены старой котельной всех и расстреляли.

— Что же вы сказали Агаинову, отчего он решил сначала расстрелять вас, а потом зачеркнул значок, вот этот крестик?

— Что я сказал ему? Вижу — его доводил не прошибешь. Он меня спрашивает: «Был в боевой дружинке?» Я сказал кулаки. Агаинов отступил и сразу обратился к свидетелю, этому немому Федору из краскозари. Эта сука выдавала своих же товарищей. Смотрю — Федор отнес глаза в сторону, а ему арестованные кулаки сучат, грозят... Молчи, мол, убьем. И Федор замотал головой. А когда он Ломанина звал — перед моим допросом — — знаками показывал и мычал «бум! бум!» Значит, дружинник стрелял.

Немой мотнул головой. Агаинов набросился на мина с протестом и начал писать что-то... А я так и не сказал ему ни слова.

— Почему?

— Потому, что презираю всех палачей и не хочу с ними разговаривать.

Следователь закурил, нахмурился и пригласил писать.

— Значит, вы называете себя солдатом революции? — Вы были в дружинке?

Лелька отвернулся.

— Почему же не отвечаете? Уж не считаете ли и меня палачом?

Оба молча смотрели друг на друга.

— Вы очень молоды и не понимаете прошлой вещи: следователь не палач, а всегда — друг и старается облегчить участь обвиняемого. Ну, что мне с вами делать?

Следователь бросил ручку на стол и грубо, повелительно отрезал:

— Итак, солдат революции, вы себя виновным не признаете?

Лелька поднял голову и, гневно взглянув на допросника, твердо сказал:

— Я принадлежу к рабочему классу и не признаю своих братьям виновным себя не признаю.

— Хорошо же. Я сейчас освобожу вас.

Лелька встал и в волнении прошелся около стола.

— Вы освободите меня?

— Да... свидетелей по вашему делу нет. Улик тоже никаких.

— Ничего подобного, господин следователь. Я не хочу никаких милостей и буду в тюрьме вместе с товарищами.

— Вы, молодой человек, чудак! Думаете, следую целые годы сидеть в кандалах, на каторге?

— Этим не запугаете... Я буду гордиться своими кандалами, как солдат георгиевским крестом.

Следователь вспомнил секретный циркуляр министра юстиции, где говорилось о смягчающих мерах. Правительство стремилось уменьшить значение революции пятого года, стараясь возбудить восстание истощивать как бунт, даже как простую забастовку.

К тому же разбой Мина и Римана по большому и малым дорогам России вспоминали Европу и Америку. А тут еще все остеро и тюрьмы переносили честными борцами за свободу.

Следователь со злостью взглянул на Лельку.

— Я отпущу вас... Но если вы снова поведете агитацию за раздел фабрик и будете выступать со своим социалистическим учением, — тогда берегитесь. Вас повесит.

Следователь открыл шнурок стола, размыслил ордера на освобождение и, взглянув на сердитое лицо Лельки, еще раз вспомнил строфу из Некрасова:

*У кого не слабей шаг
Перед дверью тюрьмы и могилы?*

Потом пробормотал:

— Куда там. Этот парень, пожалуй, и на каторгу с марсельской пойдет. А не то что слабей шаг...

В стране все сплошное («Жулия» 1905 г.).

Президиум РВС СССР в 1925 г. Слева направо: т.т. С. С. Намиков, К. Е. Ворошилов, М. В. Фрунзе и А. С. Бубнов.

ПЕРЕКОП ВЗЯТ!

Как известно, Крым соединяется с материковой частью тремя пунктами: 1) Перекопским переищем, имеющим около 8 километров ширины, 2) Сальковским и Чонгарским мостами (первый железнодорожный), представляющими ничтож мостовых сооружений, возведенных частью на дамбе до 8 метров шириной и протяженном до 5 километров, и 3) так называемой Арбатской стрелкой, идущей от Генгичека и имеющей протяжение до 120 километров при ширине от полукилометра до 3 километров.

Перекопский и Чонгарский переищики и соединяющий их южный берег Сиваша представляли собой одну общую сеть заблаговременно возведенных укреплений позиций, усиленных естественными и искусственными препятствиями и заграждениями. Начатые постройкой еще в период добровольческой армии Денника, позиции эти были с особым вниманием и заботой усовершенствованы Врангелем. В сооружении их принимали участие как русские, так, по данным нашей разведки, и французские военные инженеры, использовавшие при постройках весь опыт империалистической войны. Бетонированные оружейные заграждения на несколько рядов, фланкирующие постройки и окопы, расположенные в тесной огневой связи, — все это в одной общей системе создавало укрепленную полосу, недоступную, казалось бы, для атаки отрядами войск.

Наиболее сильно укреплены были участки Перекопский и Чонгарский, особенно первый, имевшие по несколько укрепленных линий, богато вооруженных тяжелых и легкой артиллерией и пулеметами.

На Перекопском переище наши части 6-й армии, еще до 30 октября, разная достигнутый в бою к северу от переищевых успех, овладели с налета двумя укрепленными линиями обороны и г. Перекопом, но дальше продвигаться не смогли и задержались перед третьей наиболее сильно укрепленной линией так называемого Турецкого вала (земляной вал высотой в несколько метров, сооруженный еще во время турецкого владычества) и замкавший переищек в самом узком его месте).

Между прочим, в тылу этой позиции на расстоянии 15—20 километров к югу была возведена еще одна полоса укреплений, известная под именем Юлукских позиций.

На Чонгаре мы, овладев всеми укреплениями Чонгарского полуострова, стояли вплотную у взорванного Сальковского железнодорожного моста и сожженного Чонгарского.

Таким образом при определении направления главного удара надо было выбирать между Чонгаром и Перекопом. Так как Перекоп, в силу большей ширины, открывал более широкие возможности в смысле раз-

Подходя к концу пятый год со дня смерти Михаила Васильевича Фрунзе, но-инного вояки революции, старого учителя Ленина. Имя Фрунзе неразрывно связано с многими годами славной борьбы рабочего класса, с победами вооруженной революции, с организацией героических отрядов Красной гвардии и рабочих-крестьянских полков Красной армии. Ивано-во-всенесие тачки помнит Фрунзе—Михайла, помнит знаменитые фрунзевские провозглашения в 1905 г., помнит его неустойчивую борьбу с царскими палачами, черносотенцами и погромщиками. Он помнит также одну из его огневых провозглашений, которая начиналась так: "Товарищ рабочие! Нет, впрочем, не товарищ после всего происшедшего. Вы недостойны этого имени. Грабителей и разбойников! Другое имя вам нет и не может быть". Так Фрунзе воевал рабочих, участвовавших в погромах.

Везде — на рабочих собраниях пятого года, перед царским судом — дважды выслушав приговор в смертной казни, в тюрьмах и ссылки, в жаркие боевые дни Октября, на бесчисленных фронтах гражданской войны, в годы мирного строительства — Фрунзе был одинаков: тверд, отважен, хитр и до последней капли крови предан делу коммуны. Приветливый и мягкий человек, он в то же время был тверд и непреклонен, когда дело касалось интересов революции. Когда надо было нанести Врангелю последний удар — взять Перекоп, это дело поручили Фрунзе. И он выполнил его. Уверая красных горев своими героическими словами, призывая провозглашения, личным отважным участием в боях, Фрунзе разгромил белоградцевскую часть барона Врангеля. Перекоп и Чонгар были завоеваны и переданы революциям.

"Победа, и победа блестящая, была одержана по всей линии" — писал Фрунзе. Умер М. В. Фрунзе 31 октября 1925 г., когда служил революцию в должности командира воевой и наркомов дел и председателя Революционного Совета ССР. 31 октября 1930 г. — пять лет со дня смерти тов. Фрунзе, а 7 ноября 1930 г. — десятилетие героического взятия Перекопа и Чонгара. Так не так вечно должна жить память о героях Перекопа и Чонгара, так не должно быть сменой и нивой память о замечательном полководце революции, о подлинном герое, политикане и большевисте Михаиле Васильевиче Фрунзе. Мы печатаем воспоминания М. В. Фрунзе о боях за Перекоп.

ветывания войск и вообще представляя больше удобств для маневрирования, то, естественно, наш решающий удар был начен с юга.

Для выполнения этой цели предначертана дивизия 6-й армии, бывшей под командой тов. Корка. В непосредственном тылу 6-й армии и отчасти 4-й были сосредоточены конные массы 1-й и 2-й конных армий. Но так как с другой стороны, здесь перед нами были очень сильные фортификационные сооружения противника, а также, естественно, здесь должны были сосредоточиться его лучшие части, то внимание фронтового командования было обращено на изыскание путей преодоления линии сопротивления противника ударом со стороны нашего левого фланга.

В этих видах миной намечался обход по Арбатской стрелке Чонгарских позиций с переправой на полуостров в устье реки Салигра, что километров в 30 к югу от Генгичека.

Этот маневр в сторону в 1732 в предании фельдмаршала Ласси. Армии Ласси, обману крымского хана, стоявшего с главными своими силами у Перекопа, динулись по Арбатской стрелке и, переправившись на полуостров в устье Салигра, вышли в тыл войскам хана и быстро овладели Крымом.

Наша предварительная разведка в направлении к югу от Генгичека показала, что здесь противник имел лишь слабое охранение из конных частей.

Оставалось обеспечить операцию со стороны Азовского моря, где действовала флотели мелких судов противника, иногда подходившая к Генгичеку и обстреливавшая там наше расположение. Эта задача была возложена миной на Азовскую флотилию, стоявшую в Таганроге.

Командующему флотилией приказано было идти на Генгичек. Приказ должен был выполнен не позднее 8 ноября. К сожалению, наш флот не выехал. Как оказалось, он не мог пробиться через льды, оклавшие, благодаря наступившим морозам, Таганрогскую бухту. Напротив того, неприятельская флотилия продолжала изощряться район Генгичека и тем мешала всяким операциям в этом направлении.

Лично обрекогносцировав все побережье и убедившись, что на скорое прибытие нашего флота надежд нет, время же не терпелось, и с величайшим сожалением отказался от намерения использовать для удара Арбатскую стрелку. Если бы наш флот смог прибыть своевременно, то нет ни малейших сомнений в том, что из Крыма армия Врангеля не ушла бы. Как бы то ни было, но отныне приходилось возлагать все надежды на прямую атаку в лоб Перекопских и Чонгарских позиций.

В связи с изложенным, решаемым на правленном отделе является исключительно Перекосское, и туда направлена наша главное внимание.

5 ноября на ст. Рыково мною отдался директива, согласно которой на войска 6-й армии (81, 52, 15а и Литовская дивизия) возлагалась задача не позднее 8 ноября, переправившись на участке Владимирка—Строгоновка—Малый Курган через Сиваш, ударить по фланг и тыл перекосских позиций, одновременно атаковать с фронта Гурьевский вал. Для обеспечения операций и немедленного развития успеха в подчинение командарма 6-й тов. Корка была передана 2-я конная армия в составе трех кавалерийских дивизий, одна из которых и группы повстанческих войск Махно, насчитывавшей около 2 000 бойцов при большом количестве пулеметов. 6 ноября я с тт. Владимиром и Смитой выехал лично в район расположения частей 6-й армии. Попутно мы объехали штабы 1-й и 2-й конных армий, где непосредственно подробно договорились с командованием этих армий—тт. Буденным и Ворошиловым в 1-й конной и тт. Мироновым, Гурьевым и Орбуновым по 2-й, относительно плана и способа проведения в жизнь намеченной операции.

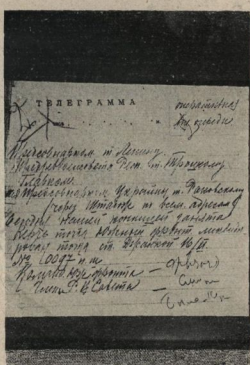
7 и 8 ноября мы провели в расположении частей 6-й армии 8-го, около 4 часов дня захватили с собой командующего 6-й армией тов. Корка, мы приехали в штаб 51-й дивизии, на которую была возложена задача штурма в лоб Перекосского вала. Штаб стоял в селе Чалингинь. Наступление в штабе и у начдива тов. Булехера было приподнято и в то же время несколько нервно. Всени создалась абсолютная необходимость покинуть штаб и в то же время являлся ясный отчет в том, что такая попытка будет стоить не малых жертв. В связи с этим у командования дивизии чувствовалось некоторое колебание в отношении выполнения приказа о ночном штурме Перекосского вала. При этом командарма мною было непосредственно, в самой категорической форме, приказано направить штурм произвести.

Надо признать, что действительно на войска дивизии возлагалась задача чрезвычайно трудной. Нужно было без сколько-нибудь значительной артиллерийской подготовки, на самом узком пространстве и по абсолютно ровной, лишенной всяких следов местности атаковать сильно укрепленную позицию.

Отдав все необходимые указания и оставив тов. Корка в Чалингинь, мы двинулись дальше по направлению к Перекосу. Были уже сумерки, когда мы подошли к берегу Перекосского вала, поднялся туман, закрывший на расстоянии нескольких шагов все предметы. На юге и юго-востоке непрерывно раздавался грохот орудийной пальбы. Поднявшись мы доходя до вала, с каждым шагом вперед пушечная канонада становилась все слышнее и слышнее. Скоро вперед и вправо от нас мы стали различать огневые вспышки орудийной залпы.

Линия неприятельского расположения обнаруживалась непрерывными сносами дучек прожекторов, старавшихся пронзить мрак и раскрыть движение наших частей. На огонь противника отвечали сильным огнем и наши батареи, расположенные перед Перекоской позицией.

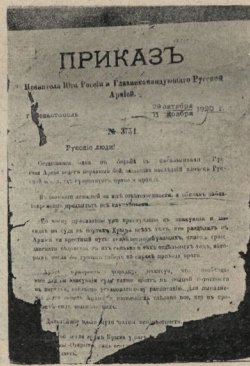
Приезжая в линию расположения передовых полков 6-й дивизии. В них идет подготовка к последнему, решающему акту. Наступление у враждолюбцев спокойное и лишь несколько приподнято. Полки ждут приказа двинуться на подкрепление своих товарищей, занимающих передовые, исходные для атаки позиции. Холодно. Огни раздалась запрещающая для штурма приказано, но тщательно укрываются. Озвие красноармейцы прыгают на месте, стараются хоть сколько-нибудь согреться. Едем дальше,

наталкиваемся на новые части: это подполки к полю боя полки армейского резерва—Литовская дивизия.

Огонь со стороны противника усиливается, отдельные снаряды попадают в район дороги, идущей по северному берегу Сиваша, по которой едем мы. Вперед и несколько влево от нас испыхивает сильный пожар. Это неприятельские снаряды заделали снаряды соломы у какого-то хуторка возле с. Перво-Константиновка.

Ближайшей своей целью ставим добраться до ст. Владимирка, где стоит штаб 52-й дивизии. Приказали наложить в штаб дивизии. Нацелили 52-й тов. Германовича в штаб нет. Он со своими полками уже переправился в город через Сиваш и велел бой в районе деревни Кара-Джико, что к юго-востоку от Перекосского вала. Части дивизии переправилась еще ночью с 7-го на 8-е и энергично проведенной атакой на рассвете овладела укреплениями так называемого Литовского полуострова. Развивая свое наступление дальше по фланг и тыл перекосских позиций противника, ди-

зия после первых успехов натолкнулась в районе Кара-Джикана на упорное сопротивление противника бросившего в контратаку одну из своих лучших дивизий—Дроздовскую, подкрепленную отрядами бронемаши. По отрывочным сведениям, поступившим в штабы, можно было сделать тот вывод, что части дивизии Литовского отброшены назад и оборотятся на север, составляющей южную границу Литовского полуострова. Бой идет непрерывно с предыдущей ночи. Бойцы все время не спят; имеются убитые и раненые, отсутствует питьевая вода. Все обозы находятся на северном берегу, и о налаживании хоть сколько-нибудь сносного снабжения в условиях боя не может быть и речи.

Очень выгодным для нас обстоятельством, предельно облегчившим задачу формирования Сиваша, было сильное понижение уровня воды в западной части Сиваша. Благодаря ветрам, дующим с запада, вся масса воды была угнана на восток, и в результате в ряде мест образовались броды, правда очень тонкие и узкие, но все же позволявшие передвижение не только пехоты, но и конницы, а местами даже артиллерии. С другой стороны, этот момент совершенно выдал из расчетов командования белых, считавшего Сиваш непроходимым, и потому державшего на участках наших переправ сравнительно незначительные и притом мало обстрельные части, преимущественно, из числа войск сформированных.

В результате кубовских боев была сдана нам в плен часть кубовской бригады ген. Фотинкова, только что прибывшей на Феодосию. Оказавшись с обставкой и отдал все вымыслы своего расположения, мы поехали дальше в штаб 15-й дивизии, стоявшей в селе Строгоновка.

Бои на участке 15-й дивизии протекали успешно. Ею было захвачено несколько орудий, восточнее дивизии, ввиду особого сопротивления, продвигаясь вперед.

Так же как и в 52-й дивизии, главным неудобством были оторванность от обозов и полное отсутствие воды, фуража и провизии по ту сторону Сиваша.

Не больше чем через полчаса после нашего приезда в дивизию с линии связи, проложенной через Сиваш к боевому участку, поступают донесения о повышении уровня воды, инвизирующей медленно затоплять брод. Проверка, оказалось действительно так. Положение создавалось чрезвычайно опасное. Стоило воде подняться еще немного, и тогда полки 15-й, а вслед затем и 52-й дивизии оказались отрезанными по ту сторону Сиваша. Надо было немедленно же принять самые решительные меры, иначе все дело могло погибнуть.

Главнейшими мерами явились следующие мои распоряжения: дивизии, в соответствии с исполнением: 1) подтверждение немедленной атаки в лоб частями 51-й дивизии Перекосского вала под угрозой самых суровых репрессий в случае оттяжки в исполнение; 2) мобилизация всех активных частей Строгоновки, Владимирки и пр. для предохранительных работ на бродах; 3) приказ 7-й кавалерийской дивизии и Повстанческой группе, стоявшим в 10 километров от Строгоновки, сейчас же свалиться на коней и переправляться через Сиваш для подкрепления 15-й и 52-й дивизии.

Стал изложить распоряжения и установив наблюдение за их исполнением, мы решили оставаться в Строгоновке вплоть до выяснения обстановки.

Примерно в 3 часа ночи в Строгоновку прибыла 7-я кавалерийская дивизия, которая после осмотра тотчас же была отправлена к боевым позициям. Вода за это время уже сильно поднялась, но переправы все же еще была возможна. Часам к 4 явились и маховцы. Вызвал к себе их командующего Каретникова и начальника шта-

ба, фамилию которого сейчас не помню, и изложил им обстановку и потребовал немедленного отправления на тот берег. На переговоры пришлось потратить целый час. Видно, махновцы не совсем доверяли мне и страшно не хотели двигаться в поход, опасаясь, быть может, какой-нибудь ловушки. Несколько раз Каретников и начальник штаба то уходили, то вновь приходили ко мне под предлогом получения тех или иных данных. Только под утро, часов к 5, удалось и их переправить к месту боя.

В это же время я получаю донесение из штаба 51-й дивизии, переданное через штаб 52-й, о том, что части 51-й дивизии в 3 часа 30 минут пополуночи овладели штурмом Перекопским валом и продолжают наступление на Армянский базар. Прочитав донесения, и с плеч словно гора свалилась. Правда, это еще не означало окончания задачи, ибо дальше путь в Крым преграждали сильные юнкунские позиции, и главная развязка всей операции должна была произойти там, но все же со взятием Перекопа для нас в значительной мере ослабела опасность погубить цесарком две дивизии, отрезаемые водами Сиваша. Теперь являлась возможность установления с ними связи по твердому грунту, что резко улучшало всю обстановку.

Дав директиву командованию 6-й армии об энергичном продолжении дальнейшего наступления, я со спокойной совестью направился отдохнуть.

На другой день, убедившись, что события на фронте 6-й армии развиваются нормально, мы выехали к ст. Рыково, в штаб 4-й армии, дабы ускорить наш удар отсюда и тем не дать противнику возможности обрушиться всеми силами на перекопское направление.

В районе мостов заканчивались спешные приготовления полков 30-й стрелковой дивизии к ночному штурму. Настроение полков было выше всяких похвал. Переданное мною частям сообщение о взятии 6-й армией Перекопа еще более подняло настроение и вызвало горячий дух соревнования.

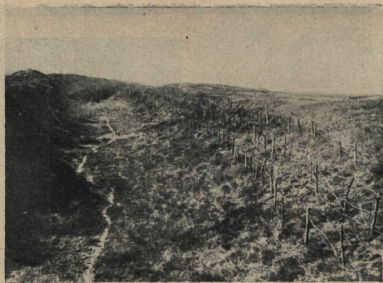
Не могу забыть следующего факта: когда я в штабе 4-й армии сообщил начальнику 3-й стрелковой дивизии тов. Грязнову и бывшему с ним одному из командиров бригад, что Блюхер (он между прочим был прежде начальником Грязнова на Восточном фронте) взял Перекоп, то оба победоносно. Через несколько минут, смотрю, Грязнова и его комбрига уже нет, они укатили на позицию. А через несколько часов начался знаменитый ночной штурм полками 30-й дивизии чонгарских позиций противника. Утром 11 ноября, после кровопролитного боя, части дивизии уже были на том берегу и, опрокинув противника, стремительно наступали на Джанкой.

Так решилась участь Крыма, а с ним и судьба всей южно-русской контрреволюции.

Победа и победа багряная, была одержана по всей линии. Но досталась она нам дорогой ценой. Кровью десяти тысяч своих лучших сынов оплатили рабочий класс и крестьянство свой последний, смертельный удар контрреволюции. Революционный порядок оказался сильнее соединенных усилий природы, техники и смертоносного огня.

Память об этих десяти тысячах красных героев, легших у входов в Крым за рабочее и крестьянское дело, должна быть вечна светла и жива в сознании всех трудящихся. Если нам теперь легче, если мы, наконец, окончательно закрепили торжество труда не только на военном, но и на хозяйственном фронте, то не забудем, что этим мы в значительной мере обязаны героям Перекопа и Чонгара. Их незабвенной памяти посвящаю эти строки и перед ними склоняюсь обнаженной головой.

Остатки рвавшего.
Харьков, ноябрь 1922 г.

Проволочные заграждения по дну Перекопского вала.

Тяжелая батарея у Чонгара, захваченная красными частями.

Французское орудие на позициях Врангеля.

Не сумев руководить заводской организацией, он разлагал ячейку штамповочного цеха, в который его послали. Там даже собраний не было, и комсомольцы подавали заявления об исключении их из комсомола. Комитет распустил бюро цеховой ячейки и назначил так дорочные перемены.

А Вячеслов и теперь работает в штамповочном цехе. Он стал угрюмым, замкнутым, но хитрость попрежнему скрыта в складках его век. Он не признавал своей вины, но и не обжаловал решения об его исключении. Иные удивляются этому, но он, подлая брови, с тонкой иронией замечает: — Чего ж мне обжаловать? Я не пойду против решения масс...

Он совсем стухнул в заводе, его нигде не видно. ТРАМ не работает—такова участь всех организаций, в которых состоит Вячеслов. Он сидит дома и мечтает. И если пироги. Румяные пироги с мясом? Или с капустой?..

★

Выстрел прозвучал в июле, когда Вячеслов равнял свои правые теоремы.

Бурак... Такая пыльная русая шедевра, такие мягкие очертания лица, такие задумчивые большие глаза и такая прозрачная фамилия Бурак...

Итак, в теплую июльскую ночь Федя Ремзов, бывший комсомолец, молодой рабочий, запер на замок комнату, стал перед зеркалом в пазу, приставил к виску револьвер и выстрелил. Пуля прошла на вылет, от виска к выбитому и напуганному латышку.

Тогда и явился Бурак, товарищ самоубийцы. Он все время дежурил у гроба и произнес на могиле прощественную речь. Бурак видимо долго готовился к этой речи. Его голос дрожал, а светлая грива стала вздрагивать.

— Выстрел это — не случайный выстрел, вдохновенно начал Бурак.—Он говорит о том, что те задачи, которые поставлены перед молодежью партии и комсомолом, — актуальные задачи. Молодежь разочаровалась в нашем строительстве. Почему Ремзов не хотел вести общественной работы? Потому что она, общественная молодежь не интересна, потому что нам не создают удовлетворительных условий.

Так говорил молодой оппортунист, воспользовавшись смертью своего товарища. Собравшиеся на похороны слушали и возмущались наглым выступлением.

— Бурак... Бурак... Постояйте, да не тот ли это Бурак?

— Ну конечно тот самый! Бывший секретарь комсомольской ячейки ФЗУ. Его исключили из комсомола за развал ячейки.

Так вот кто такой Бурак! Этот самый Бурак, бывший секретарь-администратор, который так щедро раздавал все комсомольские выговоры, которыми в ФЗУ сам себя премировал как лучшего ученика.

А ячейка рассыпалась...

Бурак—тонкая натура. Ему быть бы в Голливуде киноактером. Он все жалелся.

— Я был на приеме у Малютина...

— Бурак и Ремзов сильно дружили. Они всегда вместе мечтательно бродили по лесным усадям и по свободным полям, любовались небом и тучами пастушков...

— Скучно на свете... Покончим самоубийством...

— Покончим самоубийством!

Но Бурак определенно рисовался, позировал, а Ремзов—впечатлительный юноша—был под его влиянием и серьезно думал о самоубийстве. И когда однажды Бурак уехал, Федя убил себя.

— Хорошо, что обожалось так, а то и меня нашли бы в крови,—говорил Бурак. Федя, чудак, молодой мечтательный мальчишка! Зачем так гапу оборвал свою жизнь? Лишний трусливый человек, твоя смерть послужила оппортунисту Бурaku предметом для выступления с позорной

речью. Бурак поддерживал соседей-зудачки, соседей-обывателей. Они говорили:

— Ремзову нечего было есть... С голоду это он... Советская власть довела...

Бурак работает теперь слесарем. На работе он прикрывает свою шедевра старыми картами, чтобы она не заплылась. А когда выходит посторонние люди, он сбрасывает картуз и встряхивает гривой. Тогда прядь русских волос спадает на зоб. Глаза задумчивы и смотрят вдаль.

Бурак пишет стихи. Ходят в Подлесские слухи, будто он мечтает выдать их в ЗИФЕ. В переплете из ослиной кожи?

★

О Малютине, секретаре заводского комитета, избранного вместо Вячеслова, все знают только одно. Его связи с работы этой осенью за бездельность и оппортунизм. Он был так удивлен—ведь голосовал за генеральную линию и выступал с речами против правого уклона?

Малютин, этакий неповоротливый, апатичный, чепуховый парень, по установившейся традиции безвыгодно сидел в комитете комитета. Ответы на вопросы он произносил густым, отяжелевшим, медлительно и невозможным, как бюрократ чистой крови. Спрашивала режисе, чем отвечал, Малютин, хотя раз заголовокала бы тебе до боли мысль о том, что завод на черной дырке! Такой равнодушный к болезням цехов— даже телефонную трубку ленится взять в руки. Ведь у него был технический секретарь... Это при Малютине 140 новеньких написанных комсомольских билетов лежали в столе семь месяцев. Он считал, организация не нуждается в росте, в подкреплении. А среди старых комсомольцев многие не платили взносов по двенадцати месяцев.

У Малютина были помощники. Вот Хозинюв—бывший секретарь (все помощники Малютина «бышние») машиностроительного цеха. Розовый Хозинюв, всегда веселый, всегда относящийся к себе-самому ласково шуточно. Ячейка не работала все время его секретарства. Цех давал перебои. Когда выбрали нового секретаря, Хозинюв ничем не помог новому в цехе человеку. Он поодушито отмахивается от всех нагрузок.

— Надоело, ничего нового!

Его затанчили на заседание бюро—он выпрыгнул в окно и удрал. Его выбрали на заводскую конференцию—он зарегистрировался и ушел бродить по аллеям осеннего, пожелтевшего парка. Пятилетка и промфинплан для него—чужие слова, он любит поглядывать в обесмысленный перерыв о том, что в Москве, небось, все есть, а без ботинок не проживешь.

Розовый Хозинюв, нам не лишние люди! Розовый Хозинюв, ты липкий человек, оппортунист, обыватель! Такой шутовской враждебности нашему делу. Хозинюв, тебя вычеркнут из списков ячейки, потому что ты только числишься комсомольцем.

★

Недавно, когда на заводе были нерабочие дни, токарь машиностроительного цеха Коля Григорьев работал без отгула тридцать суток. На заводе взорвался гудок, и Коля растачивал новый. Он делал его без чертежа, но гудок получился на славу. Далеко-далеко слышен гудок, и те, кому дорог завод, слышат в нем призыв к работе.

Коле Григорьеву часто приходится работать сутки без перерыва. Он лучший производитель в цехе, а на заводе—ирония. Бог и теперь, не выходя из цеха второй день, он и его товарищи работают над рамой волида гидравлического формовочного преса.

Коля Григорьев, шестнадцать ударных комсомольских бригад, шесть плановых, ратных групп ударной работой старается сбить завод с черной доски. Сто семидесять три молодых рабочих недавно вступили в комсомол.

Таков ответ оппортунистам.

ВСЕГДА ВПЕРЕДИ.

Фабзавучки завода Сельмаш в Рязани не отстают от взрослых рабочих по подписке на завод «Ритметы в 4 года». На снимке: фабзавучкина Сельмашовского цеха за подпиской на завод.

ГОТОВИМ НАДРЫ.

Ученики столярной мастерской при ФЗУ на АМО.

УДАРНИК МЮДА.

В связи с празднованием 16 МЮДА на фабриках и заводах организованы бригады им. 16 МЮДА. На снимке: ударная бригада им. 16 МЮДА Сельмашовского цеха.

ЯЗЫК ЛЕНИНА

Письмо из Берлина

Стефан

Н. порижелом амфире старого «дворца принцесс» и до сих пор еще красуются императорские гербы. Грузный папаша неудачника-кайзера Вильгельм I царственно охраняет мосты Шпрее—«королевские» мосты, а к единственной площадке республиканского уклада. Королевская символика республиканской Германии чрезвычайного типична. Лучшие кафе здесь «Король» и «Император»: после тяжелого биржевого дня пивзатый шулер легче обретает спокойствие у родных символов. Подобно теплым носкам, они мягко возлещут сердце.

«Все переходящее—только символ»... Тысячу раз прав лидер германского национал-фашизма Гугенберг, который резонно заметил однажды, что лучшим строем для Германии была бы республика с императором во главе. Это невозможно напоминает Рим, но ведь у фашизма—патологическое тяготение к римским шаблонам: Муссолини не раз даже являлся в консульскую тогу, которая идет ему нисколько не меньше, чем королевская мантия в рубанду.

Но у древнего Рима было по крайней мере то достоинство, что его крашки обладали непосредственностью. На заре своей молодости человечество не умело лгать. Однако уже и тогда у римских красавиц волосы были искусственно окрашены.

С тех пор красильная промышленность сделала большие успехи. Буржуазия изобрела краски для своих ивек, так же как она изобрела их для своих красавиц жареном виде, с гарниром, и продает усиднеем разобластевает перед покупателем, пока тот торгуется. Когда идея положена в карман, торговец нагло улыбається и кричит:

«А ведь идея-то, друг мой, крашеная!» Дело конечно не в том, крашенные или некрашенные волосы у синориты Италий, одной из победительниц на мировом конкурсе красавиц, хотя и эта победа известной социальным самизмом. Последние новости например пришли к заключению, что крашенные волосы мадемуазель Италий свидетельствуют о закате фашистской диктатуры. Белогвардейские «Последние новости» вообще за демократии и призывают битвы только коммунистов и только пролетариат. Поэтому они с тревогой говорят о слабости режима Муссолини и режима Писадуского, развядаемых стихийно растущим классамым противоречиям. Вот их волосы тоже крашеные. Ах, бедняга Муссолини!

У германской демократии волосы явно крашеные, но таковы уж судьбы влюбленных: они не видят недостатков своего «предмета». И «Последние новости» торжественно провозглашают режим Бриннига самым демократическим в мире. Выборы в рейхстаг явились славным моментом прижизнения сил этой демократии.

Когда в торжественный покой Вильгельмштрассе, где строгие каштаня ревиново охраняют вход во дворец президента, вошла колонна безработных, ее встретили

Тов. К. Моллер (секретарь ЦК НСМ Германии) выступает на митинге.

резинными дубинками. Во дворе президента мирно пребывал и сам рейхсканцлер Бриннинг, который за день до того в своей предвыборной речи обещал стране избавление от голода и безработицы.

Безработные предъявили иск по этому вопросу:

— Хлеба и работы! Их ответили резинными дубинками. Дворец оцепленны вооруженной шеренгой охраны. Выстрел! Падает один из демонстрантов. Крики. Другие отступили к арсторкратический Уитер ден Линден, где репы автомобильных гудков яростнее, чем прибой океана. Их провожала резинная «демократия» Бриннига: безработным разницы их козлабук.

В Лихтенберге арестовали 100 человек, на Бовлиплаце тоже гуляли резинные дубинки. Подготовка к торжественному акту осуществления всенародной демократии подкрепляется мобилизацией всех полицейских частей, и синий мундир шупо мелькает чаще, чем когда-либо.

«Демократическое» правительство не останавливалось ни перед какими затратами. Обывателю должно быть весело: ведь день выборов в рейхстаг—это всенародный праздник, как схино иронизировала фашистская газета. Наука демократии требует специфических методов обучения, но, право же, у Бриннига есть надлежащие педагоги.

— Есть еще в Берлине судьи!

Всю ночь перед выборами гремели выстрелы на окраинах. Перед домом Либкнехта полиция открыла канонаду, разогнав демонстрантов. Комсомольцы, герониски несших на своих плечах значительную часть предвыборной кампании, пацками хваталы на ухапы.

— Халт!

И потом—выстрелы.

Своеобразная революционная урветора переродит выборы.

Потом она развернулась многократно симфонией уличных перестрелок, она сделывается что на величайшей колонии Понманской демократии, и нужно только удивляться, что на величайшей колонии Победы, нашедшей себе привок между бронзовыми нашествиями Мольте и Бисмарка, выходящий к свеженакрашенному фронту рейхстага:

— Германскому народу.

История полусогрет ангела усугубит место резинных дубинок: в конце-концов это ведь тоже символ, кстати более популярный в массах «германского народа».

Но искусство символа давно уже потеряло свое аристократическое оригинальность. Пролетариат научился этому искусству в огне борьбы: школа уличных схваток—идеальная педагогическая система, обладающая ни с чем не сравнимой убедительностью.

Классовая борьба начиналась с заборок: фашисты рисовали свою традиционную свастку, рабочие передвывают ее в серп и молот. В уличной борьбе символ под-

тверждал свою реальность на спинах классового врага.

Как всякая обостренная классовая борьба, прошедшие выборы были богаты схватками, ударами ботми и кровью.

Несколько убитых, много раненых. Фашисты бандами нападали на рабочих. В центре им удавалось это легко, в рабочих районах их было, и были здорово. В Галдензе они напали на комсомольскую группу. На Ростокой улице они вместе со всеми социал-демократическими друзьями разогнали резинными пацками детей и женщин. На площади Булова развернулся настоящий уличный бой, и, если бы не подоспела полиция, фашистам пришлось бы туго.

У пролетария свои эстетические воззрения, и на лирические напевы фашистских гимнов он отвечает «Буденным» и «Смело, товарищи, в ногу!» Переведенные на язык классовой солидарности, эти песни стали интернациональными. В конце-концов не так уже велик упок от Пресни до Веддинга. Коммунистам напоминал майские дни прошлого года. Что ж, у коммунистов память хорошая; и они не забыли майских товарищей, а на улице, напомят о них интернациональнаны.

Заостренная до крайних пределов избирательная борьба перескакивает все рамки «демократической» легальности. Вопросы конституционного порядка сейчас реплотены в кабинет, а на улице. Массы сами решают сложные парламентские проблемы. Радовой работой из Веддинга сейчас играет большую роль в определении политических перспектив Германии, чем запуганный до косточек министр, лихорадочно мещущийся в путине кризиса.

Когда в Веддинг в МЮД контрабандой забрался избирательный фашистский автомобиль, он стал мишенью стихийного классового протеста. Селанштрассе—улица, наименованная Германией о ее победе над Наполеоном III,—стала Селаном германского фашизма. Ураган протеста сорвал с панели оконные рамы. Снизу и сверху, с пелены, из окон рабочих квартир, с крыши потреснанных каменных громад, полетели в этот переломный момент политический пролетариат камни, бутылки, грязные коробки, мусорные бомбы.

Это было единодушное голосование пролетарской улицы.

В Симентштаде он обвазали церковь. Классовое негодование обращается против всех институтов капиталистической эксплуатации, и не случайно избирательная борьба совпала со взрывом пролетарского антитеррора одного движения.

Первый бой во время молодого демонстрации начался из-за «оскорбления таинства причащения»: не правда ли, характерная деталь для германской «демократической» республике? Впрочем, это уже чистейший анахронизм, брошенный даже берлинскими белогадыбными: требования рынка заставили их переключить свой религиозный экстаз, и в православной церкви сейчас бойко торгует кафе. Господь боу нисколько не смущается интимной близостью к ликерам.

Окончание см. на 23 стр.

УЧЕБНЫЙ ЦЕХ ЗАВОДА

НА ВЫСТАВКЕ ПО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМУ
ОБРАЗОВАНИЮ

Евг. Бермонт

Пришел Октябрь, а на гимназических завтраках все оставалось без перемен.

Наконец, декрет о единой трудовой школе взорвал учебные казематы, зубрально-добавные мастерские человеческой мысли. Полетели вверх торшачки и гимназисты, и реалисты, и комсомолы, и гербы, и мундирчики, и классные надзиратели.

Первые годы были не столько годами учебы и строя, сколько школьных революций.

Понсы новых форм приводит нередко к абсурдам. Трудные навыки искали в принуждении учеников мыть полы. Простым арифметическим действиям шкрабы думали решить проблему новой школы — старая гимназия плюс ремесленные мастерские. Ученики, проспявшие немецкие глаголы, бегут точно сапоги. Опустив перпендикулятор на основание равнобедренного треугольника, ребяташи торопились к столярному станку. Написав сочинение на тему «Лишние люди в сочинениях Тургенева», они мчались кроить плащете. Старая погулка на новый лад. Гимназическая кайпа, завращенная кустарным маслом. В этот ремесленный гупточк забредо много советских школ.

Наша школа по существу оставалась старой школой. Охотников пришить советские пуговицы к ветхой, источенной модью гимназической шпирели было очень много. Брали например обучать зубречно-добавочную систему образования и, пристегнув к ней десяток заводских экскурсий, считали, что трудовая школа готова. Раз, два — ловкость педагогических рук и ничего больше.

★

Борьба за политехническую школу, за школу, какой представляла ее себе Маркс и Ленин, школу, где обучение связано с производственным трудом, где ученик в теории и на практике знакомится с главнейшими производственными странами, где ему дают научное познание производственных процессов и обучают искусству владеть основными инструментами современного труда, — борьба за такую школу началась очень давно.

Главными ее противниками были те, кто считал, что лучше иметь синицу профессионального образования в руках, чем политехнического журавля в небе. Они забыли, что большевики вообще не поклонники птицек, роющихся в деляческой пыли. Они забыли, что пролетарии предпочли октябрьского журавля в социалистическом небе февральской парламентской синице. Они забыли, просчитались и были побеждены.

Фото

М. Маркова

На выставке по политехническому образованию, где показан весь путь пройденный советским просвещением с момента разрушения старой гимназии, собран также опыт уже существующих политехнических школ. Он представляет исключительный интерес.

Политехническая школа является учебным цехом завода. С ним она связана теснейшими производственными нитями, питается его техническим опытом. Каждый свой практический трудовой шаг ребята осмысливают теоретически. Они изучают не только детали производства, но весь производственный процесс в целом.

В специальные школьные кабинеты вступили все основные производства страны. Они представлены точнейшими миниатюрными моделями. Они отражаются там, как в уменьшительном стекле. Вот крохотная железнодорожная станция, комариный сколок с нашего транспорта. Вот микроскопический металлургический завод. Вот небольшое динамо. Вот слепок энергетического хозяйства, и данный во всей его технической сложности и многообразии. Вот орудие строительной промышленности. Вот станки текстильных фабрик. Вот сельскохозяйственные машины.

Как же начинается и проходит обучение? Возьмем примерно **текстильное производство**.

Еще на пороге школы ребенок знакомится с принципом ткацкого дела — ему дают небольшие детские пальцы. Он изучает владеть ими. Позже на смену пальцам появляется несложный ткацкий станок, который к концу учебы сменяется моделью машин новейшей конструкции. Одновременно ребятам показывают текстильное сырье и весь его путь до фабрики.

Энергетическое хозяйство. Ребята изучают, как изготавливается аккумулятор. Все эти работы ученики делают сами. На выставке, например, есть реостат, сделанный школярами из табуретки. Другой реостат сделан из горшка. Небольшое действующее динамо скрабатоно из старого железа.

Ребята углубленно изучают экономические и технические детали своего производства.

Но ведь оно тысячами нитей связано со всем хозяйством страны. Ученики школы при текстильном предприятии, когда знакомятся с сырьевой базой своей фабрики, естественно, вталкиваются на сельскохозяйственную промышленность и транспорт, а в разобранной оборудованной заставляет их обращаться к машиностроительной индустрии.

Усехи политехнического, естественно, идут рядом с неудачами. На выставке есть уголок, где показано, как не надо политехнизировать школу. В одной семилетке, например, изучение принципов швейной промышленности выразилось в вышивании подушек и прочего эстетического бархата. В другой школе делали сельскохозяйственные модели, нелепые карикатуры на современную потребительскую индустрию. А ведь одна из политехнических заповедей гласит, что даже игрушки для самых маленьких детей должны быть принципиально точны, т.е. игрушечный-грузовик нужно делать, точно копируя настоящий грузовик.

Ребенок, вступая на пороги школы, постепенно познает принципы и инструменты различных производств. Он начинает играть с грузовиками, а кончат изучением автомобильного мотора. Он не только слушает, что ему говорят о свойствах, скажем, токарного станка, но сам эти свойства испытывает. Его приучают владеть молотком так же свободно, как и ручкой. Его приучают в сумке технических инструментов разбираться столь же легко, как в ранце с учебниками.

Когда за спиной парнишки захлопнется дверь политехнической школы, он выйдет на воздух не растерянно неуклюжим юнцом, чихая выпускала наша II ступень, а человеком, уже готовым после небольшой профессиональной подготовки к любой профессии по необходимости работе.

НА ШИМКАХ.* Вверху — отдел текстильного производства; внизу слева — студенты техникума ИЗО проверяют установку, справа — манет завода серых висоз, сделанный учениками 3-й школы СОНО.

ЭНЕРГИЮ МАСС И МАШИНЫ ДОНБАССУ!

Ал. Булгаков

ДЕД МАКАР

Дед Макар — старый забойщик. Дед Макар — на шахте самый давний шахтер и шахту любит.

По вечерам дед выходит на улицу посидеть, кивая, скрутит цыгарку и долго смотрит на капер, на дробилку, большое здание подъемной машины, долго прислушивается к шуму катающейся породы по конусному террикону...

Перед ним проходит одна за другой картины жизни шахты. Старыми воспоминаниями затуманивается действительность. А что, если бы знать, какая будет шахта лет через пятьдесят? Зарастет все травой, умолкнет гул, покривится шахтный капер, и нечего будет взять из глубины шахты, постарел, истощил она.

— Дедушка Макар.

— Ты что?

— Да я за тобой, собрание сегодня у нас, о производственном обучении. Поидешь?

Комната широкая, разделена скамьями, на стенах плакаты, дозвучит.

Между молодцами ребятами чернеют уже солидные усы, борода старого кадровика. Это шфеи. Они ввязали на бумсик всю приписанную на шахту молодежь. Первым начал отечь дед Макар.

— Наша бригада состоит из восьми людей и меня. Работаем уже шесть дней. Первый и второй день ребята как-то боялись, но это бывает со всеми. На третий день дали 4 вагончика угля, на второй — тоже четыре, потому что больше изучали крепление, а на пятый день и сегодня в общем дали 12½ вагончиков. Чижиков, Леона, еще двое ребят уже могут быть самостоятельными забойщиками. Чему-то обучилим так, что пласты трещат!

Дед чайничку, обвел глазами сидящих, между незнакомыми лицами заметил десятка два местных ребят и улыбнулся.

— Так что смена будет, вот только не даю покою нам напешские ребята. Вчера за смену было пять человек.

— Ну как тут у вас?

— Что?

— Да как работаете?

— Кроме!

— А ты обуюбок так не держи, а то же уголь будешь добывать, а дырку в нем. Ты вот так.

И захохотал в ушах молодых руках обуюбок.

Другой прибежал.

— Братцы, дед Макар, да ты глянь, корж над ними висит.

Обуюбок стук, стук. Треснула обояла, с шумом отскочил огромный кусок породы.

— Вот если бы не товарищеское внимание, гляди, ребята, кому-нибудь на вас позовнок бы хряпнуло.

— Да... так вот я и говорю: плохо, что ходят по пять человек, нужно, чтоб по пятнадцать!

Деду Макару аплодируют, смеются и усаживают в первом ряду.

— Ребята, есть тут предложение комсомольской ячейки.

— А ну, что предлагают?

— Хлопц, прибавляй мы не только на угольный фронт, а и на культурный. Ячейка создаст пять ковчоков, преподавателей вы выделит из себя.

— Печенюка.

— Понца.

— Решетника.

— Что вы, ребята, да какой же преподаватель, — уперся Решетник. — Да я же все,

Преобразование старого Донбасса в новый, подлинно социалистический, должно сыграть колоссальную роль в определении темпов борьбы за полное использование всех народных ресурсов народного хозяйства страны.

Механизация Донбасса ставит перед шахтными ячейками и руководством задачу подлинной мобилизации шахтерской молодежи на борьбу за полное использование всех внутренних ресурсов угольного производства. Широкое, массовое рационализаторское движение должно развернуться сейчас на шахтах. Все ячейками, все ячейки должны быть максимально использованы. Инициатором этого движения должен явиться комсомолец.

Полный поворот лицом к строительству нового Донбасса, обеспечение этого поворота устойчивыми прелестерскими кадрами — центральная задача не только шахтных организаций, но и всего комсомола Украины.

го рабфак очка и никогда преподавателем не был.

— Будешь!

— Научишься!

— Теперь другое: восемь человек в агитбригаду за контрактацию.

— Авторитетные выдесай!

— Кто лучше работать может!

— Чижикова!

— Леонова!

— Еще Васильчука запиши, вчера 2 вагона надолго...

— Васильчука обязательно...

К столу вышел Гайдук — здоровый парень, немой задумчивый.

Он в числе трех человек прикреплен к группе забойщиков на индивидуальное обучение. До этого Гайдук работал на одной из шахт Шахтинского округа, но это было пять лет назад. Гайдук был в колхозе агитпропом ячейки и, услышав о мобилизации, пошел в Донбасс добровольно.

— Вы откуда? — насмешливо спросил их забойщик средних лет.

— Мобилизованы.

— А я, — с расстановкой проговорил Гайдук, — доброволец.

— Комсомольцы?

— Да.

— Член партии, — все так же мрачно рапортовал Гайдук.

— Ага, — это насмешливо «ага» в шутке, среди наивших пластов породы, звучало вызовом.

— Ну, «доброволец», явля-ка сюда, понюхай пороух, садись вот тут.

Гайдук быстро взглянул на указанное место, увидел, что оно не закреплено, корж чуть отстал, но небольшой, особой опасностью не угрожал, а забойщик, поглядывая на сидевших товарищей, еще насмешливо кивнул.

— Садись да по-добровольному перекинь-ка нам уголек, а мы не добровольцы поступаем обучающимися...

«Чорт с вами», — думал Гайдук, — сяду, не покажу, что опасно, прибьет один раз. Эх, я вам докажу!»

Началось безыскусное соревнование. Все чаще стучалась железная шахтерская, уголь дожде золотистых искр падал к ногам Гайдука — его обязанность заключалась в быстрой перелеске угля из-под забойщиков к выходу явля.

Нали мускулы, кружило голову, перекачка — это самая адская работа. Согнувшись

вдвое, большой лопатой, дыша угольной пылью, нужно постыгать за работой забойщиков.

— Гайдук успевал, втянувшись в работу и механически уснаждал темпы.

Взбешенные шахтеры выбивались из сил, напрягались как могли.

— Ну ты, доброволь, жив?

— Живу еще.

— Успевай, нечего зевать!

Атака выдержана. Забойщики пили воду, отдыхались.

— Видь, подожди, что дальше будет.

— Ужас не будет.

— Поглядись.

— Добровольец, комса, ну что ты сделалось тут? — смеясь, говорил ему младший забойщик Вихров. — Думаешь, если сегодня проработал, так и завтра то же будет. Не-е, пить зпросишь!

— Намьсь, — спокойно отговаривался Гайдук.

Два товарища Гайдука трусили. Над ними смеялись, кричали:

— Интелигентны пудрены!

— Пошли их вагончики подгонять!

— Восемь часов дались атака на Гайдука.

— Поедем-ка, Трохим, к забую, пус-кай попробуем обуюком.

К удивлению шахтеров Гайдук через полчаса, приловившись, добил уголь не хуже их.

К концу смены прибавил десятник.

— Ну как новенькие?

— Живы, — отозвался старший забойщик.

— Затра их в ученическую бригаду от вас забойщик.

— Не-е, — протнул старший, — дела не будет. Вон тех двух учеников забайри, пусть иду борщ варить, а этого не отдадим.

— Почему? Иль сдружился?

— Испытание выдержал.

— Ты думаешь, — мы против тебя? — обратился Вихров к Гайдуку. — Мы и комсомольцев любим, только правдивых. Правдивый комсомолец, ему хоть в жарко, не заплачет, вот мы тебя и пытаем.

— И здоровый же черт!ка, — рекомендовал Гайдука старший десятнику.

Десятник записал Гайдука в свою загрязненную книжечку и доложил технику, технику — заведующему шахтой, завшахтой — комсомольскому секретарю, и завтра весь актив ячейки жал руку Гайдуку за победу в неравном соревновании.

Кивив пальцем в протокол, сказал:

— Выберите, ребята, и меня в комиссию контрольно-оценочную, хочу поинтересоваться, обязуюсь за два дня законтрактовать восемь человек, вызванных на соревнование.

— Гайдука!

— Занятия Гайдука.

— Молодец Гайдук, делом, как обуюком, кроет!

— Баранова занятия.

Шумит комната, пенится молодая кровь, тех, кто прибыл в помощь, готовится атака на пороух...

— Время теперь для Донбасса тревожное, боевое. А раньше что было? — лед секунды собирается с мыслями. — Теперь разве такое время? Сейчас все готово: лампы, вагоны, машина тебя спустит в шахту, спецоджда.

Голыш, в стальной корытх тех не на широкую ногу, а все же не голодно.

А раньше была здесь степь без краев. Куда не глянешь — вьется зеленая трава, живописней и не видный вокруг жилья человеческого. Степь, степь...

Потом приехали французы. Долго развели стену, занесли целые километры дикой земли на карту.

Первый дескток рабочих под их управлением начал рыть шахту. Рыли долго и гудело. Поселок из глины построили, казенку открыли, в бараках чистово, дебош.

Денегами нам платили очень мало, харчей больше давали. Бывало в субботу, как получив деньги да пойдешь по маленькому поселку, а от него по всей широкой степи — песни:

*Плачу я вверху в
3х, даждать мнеюных рубл,
Вспоминать на прощанье,
Да буря милая дождя.*

Шахту рыли, угля все нет. Французы злого, кричат на проходчиков. Деньг меньше дают.

Помню в пасмурный день один из проходчиков всадил кайло в уголь...

Погнали французики работу, заборокток повисли.

Скорее, скорее

Плает то всего в поларшина была. По законам тогдашним раз нашел уголь, значит выбирай его. Французики заложили бурь, оказалось, на 20 метров глубже уголь залегает мощностью на полтора метра. Целую неделю мы пинаствовали — прохода не работала. После стали проходить глубже. Дали хозяева наши за похороны один ваятку инспектора.

Иностранцы за дешевку покупали у царя угольные концессии, старались забрать самый лучший уголь, тот, что ближе лежит к главному штреку. Много угля ради наживы похороныли они, забутили, теперь не доберешь, никто за этим не гнался, за ваятку похороныли грабить, губить шахту.

Далеко те времена. В революцию знамена, пулеметы прытали от белогвардейцев. Да и людей приходилось. Бывало так, что спустишься в шахту при нашей, рабочей власти, вылезешь — глядь по руднику в погонах бегонок. Приходилось ударить через балки и красным частям.

Да, были дела...

Только вот что, ребятаки, губили нашу шахту французики, грабили нас, остались и теперь такие, что грабят. Только незаметно... Забой зрубил не так, завал сделал, выбирает, где полече рубить, верхняки, а дальние выработки губит. За ним смотреть надо да смотреть, а то смотришь один забой загубит, другой. И аот шахта не доллея 2.000 тонн. А что ловить врага, во ворады мы вывели его, учить надо, понять шахту, сродниться с нею.

Дед Макар кашляет, смотрит на часы.

— Ну, ребятаки, пора. Пойду я, засиделся тут.

Дымит козья ножка в макаровой бороде, светляком мерцает огонь цыгарки. Меленко идет дед по руднику, задумчиво вслушивается в шорох катящейся породы на террикоме.

ЧТОБ НЕ РЖАВЕЛИ МАШИНЫ

Окончив заезд, Мишка Воронок вытер потный лоб, глотнул воды из фляги и начал осматривать врубовую.

Подшипники теплые, звук от хода шестерин ровный, здоровый. Тяпка протыгивала цепь для второго циклования. И когда кончила, машина плавню пошла вниз, врезаясь зубьями в черную пласт угля.

Под ровный рокот шестерней вспомнилось: шестая лава была категорой забойщицу. Увердый уголь не поддавался слабым ударам обушка, зубок выщербливался. Ставки высокие, норма маленькая.

Над машиной смеялись.

— Где же! Если угл старые забойщики ничего не делают... Не-е.

Доуго крутилась вокруг врубовки сесарь Петрухин. Станчивакая крышка, постукивал.

— Пускай.

Замерло все. Через час по шахте разнеслось:

— Не идет!

Машины, как обманушкой, как предательнице, затапали в угол штрека, завалили отработанным лесом.

Мишка пришел с соседней шахты. Таких, как он, там девять — на три машины.

— Не уходи, — говорил ему техник, — на кого машину поймаешь?

— Обойдетесь, помощника оставлю!

На бюро ячеек обсудили, решили:

— По случаю того, что на шахту перешел рабочий товарищ Воронок, создать ему в помощь комиссию по налаживанию механизации из 36 комсомольцев. Просить шахтоуправление возобновить работу на врубовке.

С тех пор машина победила твердость железную угольного пласта.

Через два месяца вся трехменная бригада отчитывалась перед комсомольским собранием. Производительность на бригадника в сутки — 5,6 тонны, заработок — 4 руб. 60 коп., выхода — 23,5%.

За невехода крепко ругали.

По руднику разнеслась весть: через месяц придут еще 6 машин. Шесть новых лав станут механизированными. Из треста бумажка настоянию требовала:

— Работу на врубовых машинах начать немедленно.

Где внять людей? Где найти машинистов врубовок?

Трест отказал. Тогда на помощь пришла ячейка.

— Мы берем обязательство: дать таких ребят, что за месяц подготовятся в машинисты.

— Где же такие ребята? Нужны электрики, слесари...

— Нашли, завтра приезают на шахту механизированные ребята.

— Ага, — протянул техник.

— Среди тех, по сводкам райкома, 14 человек из электриков и слесарей. Это 14, остальных 8 человек возьмем самих бойких, понятливых...

Три недели Воронок не вылезал из шахты. Выходил только чтобы поспать, поспать с машиной, учениками. В три смены обучал машинистов. Работали через день по шесть человек на машине.

Воронок трудно было узнать. Похудел, истощался.

В ячейке, в шахтоуправлении спрашивали:

— Ну как, Воронок?

— Будет.

И вновь спускался в шахту. Приходилось трудно с некавалифицированными: один держал бабеля, другой воем сажал машину, третий давал ей сразу полный ход.

Воронок еле вытаскивал из шахты.

— Скорей, встречать!

— Кого?

— Машинист приезили...

Птицей летел к стволу, клясть быстро вынесла на-гора.

Толпа шахтеров. А в середине их — шест, нет, восемь... раз, два, три... восемь. Что же делать? На две сверхприморные машины хватало 6 квалифицированных машинистов.

«Сорокاتب Воронок подумал: «Возьмем, не могли сообщить...»

Шесть машин стали в стальной ряд бойдоугольной пилителей. Два дня в день они рубили, извлекали в черный пласт. Тяжелый людской труд заменил машину.

Около сорока шахтеров перебрисали как освободившихся на другие участки.

На собрании рабочих Воронок как главный бригадир «шферов врубовок», блестя впадлыми глазами, заявил:

— Машину поборол бойков, шахты. Десятки недостающих людей заменили шесть машин.

Но машина требует к себе опытных, квалифицированных людей. Где их взять?

Надо готовить. Чтобы завершить партию, страну в том, что шесть машин не останутся без людей, бригада из 20 молодых машинистов сегодня подписала социалистический договор о закреплении себя за шахтой до конца пятилетия.

Вслушав слова одобрения, Мишка сказал:

— Через месяц на шахту приезут два конвейера и пять скреперов. Нужны люди для руководства машинами. Нужно заблаговременно позаботиться о людях, нужны десятки новых машинистов, чтобы не лежали мертвым грузом машины по два месяца, как те две врубовки...

Лучших ребят послала ячейка в механизаторы, многих послала с поверхности. И когда на шестой день нехватало для открытия курсов 5 человек, злой Воронок прибежал в ячейку:

— Дайте пять человек!

— Всех отдади, некого уже...

— Тогда сам иди, на кой чорт сидишь...

На курсы послали агитпропа, экономработника и еще пару ребят активистов.

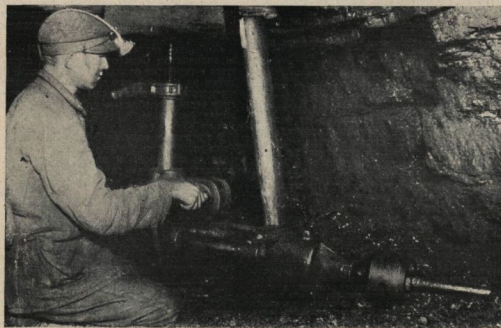
Секретарь ячейки Костя Жилин, передавая список, съязвил:

— Ну чего ты, Воронок, бесписья? Помреш от жары. Всех ребят засватал за своими машинами...

Как-то мягко улыбувшись, Мишка ответил:

— Женюков готовим. Ненести еще в пути, а Женюков подготавливаем. Заранее, чтоб не ржалели без дела машины, чтоб не ждали нас...

Октябрь. Шахта № 6 Бас

КЛИЧ С ОСТРОВА ПОПОВА

А. Берснев Рис. В. Беяева

РЫБА ВОШЛА БЕЗ ДОКЛАДА

Знакомство рыбаков побережья Дальнего Востока с иваси восходит к давно прошедшим временам. Массовое промышленное лова в наши дни не было по самой простой причине. Иваси ценилась чересчур дешево. До сих пор главное значение уделялось добыче ценных пород: кете, горбуше и т. д. Сардинка шла как морским безприторником, и временами иваси подавляла к берегам побережья для пересты (метания икры) в баснословном количестве и расценивалась так дешево, что ее продавали десятками тысяч тонн иваси на удобрение полей.

Иваси — исключительно жирная, прекрасная на вкус разновидность тихоокеанского сельди. В 1922 г. она нанесла первый массовый визит к берегам Посьетского района. Уже тогда на рыбаках ее добывали как промысловую рыбу.

С этого сезона рыбаки рыба ловили регулярно, наступая на север побережья. В 1924 г. иваси дошла до Амурского залива. Двадцать пятый год отмечен изобилием больших косяков, начиная от Уссурийского залива и кончая Самарой и Даттой. Неограмотная рыба вошла без доклада, забав предупредить рыбопромышленные организации.

Люди растерялись. Вода буквально кипела от прихода бесчисленных рун. Сардинку ловили, веревки черпали ведрами, корзинами и просто руками. Лов проходил в двух шагах от берега и не на кунгасах, а на захватывших в море подводах. Неумолимо шло и неумолимо приливные волны выносили десятки тысяч тонн сардинки на берег. Без соли и посуды она вся погибла. Огромные косяки, не имея сна, пробиваясь «задохнувшись», залезли на берег морских, образовали ивасиные кладбища.

Одичавшие рыбаки сменили мощнейший Дальгорбтрест и довели косяки. Волна коллективизации смачала карликовые промыслы частников. Хищничский лов для мелких пород в период гражданской войны и оккупации почти истребил ценную рыбу. Внимание было переключено на скромную сельдь, так настойчиво в течение ряда лет предлагавшую свои услуги.

ДОЛЛАР ЛОВИТСЯ В СОВЕТСКИХ ВОДАХ

Омоложение Дальгорбтрестом тринадцатидесятой года «Эмвизу», старшая из всех старушек сит, каждая и тряска от непосильной работы, дозвез вас из Владивостока до острова Попова.

У берега вы сходите на сытые живыми сетями деревянные востановки, забаву вскрывшие в воду. В маленькой, откровенной у базальтовых сопок долина прилепляется к подножью горы рыбо-крабкоконсервный завод № 2 Дальгорбтреста.

Завод особенный, со старинными складами сырья. Сырье находится на глубине трех метров от поверхности Японского моря и добывается исключительно ночью.

Кавасии — неуклюжая посудина, зарыженная японским мотором, туманной, предштормовой ночью выплыла в море, держа курс на каменный причал — островок Осаки Уни. Шкипер напряженно всматривается в ночную темь. Кавасии доплыла почти до островка, как вдруг шкипер быстро зашлеп.

— Ц-ц-ц... Мало-мало ходи надо. Пухом (плохо) скоро. Рыба лутай... (Обращаясь к мате) Топи! Дайши смотри глазами. Иваси ходи тут.

Левый кавасии засветился море. Ночью, когда идет иваси, море подыхает фосфоритам. Присмотревшись, вслушавшись и услышав тихий плеск, увидели яркое серебро рыбьей чешуи. Ловцы забросили сети, и ка-

васки тихо, тихо пошла вперед, растягивая на морской глубине нехитрую рыбью ловушку.

Утром прилив качает весь заводской флот, вернувшийся с ночного набега: китайские сампаны, шаланды, японские кавасии, корейские кунгасы, Армия отщепенков, преимущественно женщин и детей, освобождает пленную рыбу, запутанную в сетях. Береговые рабочие — китайцы и корейцы — на бамбуковых коромыслах относят иваси к сардинкам в рыбозерный лех. Шесть стоек, жалко чавкая ножами, уверенно чистят рыбу, потрошат внутренности, отрезают голову и хвост.

Из рыбозерки направо и налево ползут конвейеры. По ленте справа идет отбросы и поступают в утильчек. Рыбьи отходы пережигают на высокосортное удобрение — тул, находящее отличный сбыт в Японии.

По ленте слева выпотрошенная, очищенная от чешуи, стандартно обрешенная сардинка попадает в вертикальный барабан, где шедро промывается вересной водой. По конвейеру путешествие продолжается дальше в укладочный лех. Быстроукрепленные косячки ловко укладывают иваси в овалы банки (консервы в томате) и в четырехугольные (в масле). Банки с охлажденными сардинками кладут на железные листы, а последние — утажами в поместительные деревянные решетки, которые грузятся на тележки и отвозятся в вакуумнапарат для удаления лишней влаги из рыбы.

Подсушенная сардинка подвергается томатом, приготавливаемому по особому рецепту, и слегка присаливается. Все операции продолжают машина.

Хитрая гостя из Лос-Анжелоса с пулеметной быстротой прилетит к банкам этикетки. Заводские рабочие отсылают на тележки косячки в укладочный лех. Машина забьет гвозди, обвяжет заботливо проволокой, выжмет заводское клеймо на английский язык и тихо спустит иваси на пом. На глазах растут штабели готовых консервов. Скоро их отвозят бесчисленные японские «мару» (пароходы) в Англию и Америку. За эти консервы мы получим хорошие деньги. Пусть говорят достопочтенные лорды и мистры порядочному советскому сардинку. Наша иваси — это новые машины, освобождая страну от заграничной зависимости.

С советской сардинкой вывозят японские сетями, перерабатывают в иваси, закупают в Японии итальянским томатом. Не смешно ли? Возмущает мате! Обязательно из Итиши и непременно из города Парми. Почему из Итиши и не северовосточский? Не тот регион? Так слава богу по заграничному рецепту? Сельскохозяйственный институт, по которому получают сырье, советское золото на сети и томат, вместе организации сетевладельцев промышленности на месте, вместо закупа томата в СССР. Для этого нужно только желание нан вмешательство прессы с надлежащими вы-

Это мы помим всегда. И не даром наш стеганатый поэт «Атлантин Митеянский», пишущий километровые поэмы о промфилиппе, как-то сказал просто и метко:

Наш завод крабкоконсервный
Доллар ловит в водах СССР.
Так давайте же, товарищи,
Брак изгоним насосем.

ГЛАВА О «КОБЫЛКЕ» И СУШКЕ СУХАРЕЙ

«Кобылка» — это собирательное имя сезонных рабочих, из года в год работающих на рыбных промыслах Камчатки, северного Сахалина, Охотского побережья. Отличительные признаки «кобылки» — синия американская рубаха-комбинезон, японский спекостом цвета хаки, замаскированная татуировка и умение зверски работать по 25 часов в сутки.

Солнечной дальневосточной осенью, когда заканчивается сезон, по Владивостоку возвращается «кобылка». На оторванных от мира промыслах некуда и не на что тратить деньги. Зарплата, за небольшими вычетами на артельный — стод, сохраняется полностью. С собой рабочий привозит за сезон от тысячи до 3000 рублей.

Начинается сверкуренная ударная работа обидчиков в пивных, шкиперном ресторане «Золотой Рог», магазинах Госвина, авторепрокате и конечно у милиции. По городу ходит штурм пьянства, тайфун хулиганства и долгих попок, ддящихся по несколько суток.

«Кобылка» остается без коней. И тогда на знаменитом Саменовском базаре появляются в изобилии солидные американские ботинки на китовой или каучуковой подошве, джемперы, ветровые шпаны и прочие заморские вещи. Перебивается подошвой, до весны даже «кобылка» ожидая начала сезона. И так из года в год.

В тридцатом году вербовка на Камчатку была особенная: брали на срок не менее года (с зимовкой) и до 3 лет. «Кобылка» коллективно ушла на Камчатку. «Жоржик», недоношенные интеллигенты, кулиские сынки и портовая шпана, бывшие один сезон на камчатских промыслах, струсли зимовки и остались на материке, расспылись по рыбалкам побережья. Этот людской брак попал и к нам на остров. Провоздуству от них один вред.

Весь год в качестве людского состава. Фербономые боро престы, чучухады, нехатку рыбальки, принимаю, кого угодно, чуть ли не в ушах. Поэтому за станками стоят сыновья специалистов и членов правления, зарабатывающие производственный стаж, потому худощавое жалко больно ранит промфилиппа (26 проц. выполнения), оттого

на заводе массовые прогулы, брак, текучесть рабочих, невыходы в море и многое другое.

Завод нехватка 35 процентов рабочих. Люди в цене. Чемпионы длинных рублей — «Жоржи» — не хотят работать ударно, не смотрят на то, что рыбная промышленность объявлена мобилизованной. Евклиново и контору заводоуправления поступают десятки заявлений с требованием расчета или повышения зарплаты. В качестве доказательств прикладывают телеграммы, письма. Если повздорит посланцы из дому, то среди родственников сриспештует повальная смертность.

Вот образец сфабрикованной телеграммы, автор которой предварительно списался с редактором:

1222/59 КОНОТОПА 3. 2. 3. 10
Владивосток остров Попова консерв-
ный завод
ДРТГ гр-ну УШАКОВУ ПРИНСКИ
НЕСТЕРОВИИ.

— Ты пишешь жить поганю. Як по-
гано — вдь до дому. Батько.

Что предприняла администрация, партийная и комсомольская ячейки по отношению к десертникам, срывающим промфинплан? Ничегошеньки! Комсомол на заводе не чувствуется. Работают по принципу: «Тяп-ляп! — вышел корабль».

Журналист-«налетчик», живописующий об окрестках, мелькает метороном на заводе, проносит, задвигая нос, через обделания и, всерьез и нагло окочавшись в кладовой, среди беззачинных папиров, консервированного молока, мясных консервов и сардин нашего производства, ужасается.

— Как-ка вы живете?! (К кладовищу). Двадцать пачек папиров можно? Вот уж доподлинно острожное. Ведь вы же мертвые люди! (Опять к кладовищу) Сколько сардинок и молока можно? Нельзя же так, товарищи! Надо разрешить, разбудить все и вся...

Знаем об этом без вас, товарищи «налетчики»! А ведь ни один журналист толком не помог завводу. Понято ли вам, товарищи галетчики, что плохое качество людского состава, плохое выполнение промфинплана и экспорта,

и связанным со всем этим большой рабочий день плюс кулацкое влияние замораживают сильно и культурно-свертывают и воспитание рабочих в большевистском духе. Понято ли вам, что крошки отдыха, подающие на долю рабочих, используются, по примеру «Жоржев», на пынку, на гулянье, или как говорят здесь, на «сушене сухарей»?

«ПОТОМ ПОСПОРИМ О ЛЮБВИ...»

Я — человек. Я тоже крепко люблю свою Марушку. Нас разделяет кусочек рисово-всего 12 тысяч километров.

Но надо работать. А на заводе нехватка в людях. У многих моих товарищей там, за Уральским хребтом, остались любимые. Но, всегда на пути встает это «я». Сначала дело, потом любовь, личное.

И как можно расцеловать по-иному? Вы посмотрите на виснушу в клубе доску выполнения промфинплана январской путины.

По вылову задано 50 000 центнеров; выполнено 34 процента.

По консервированию 75 000 ящиков; выполнено 17 проц.

По засолу 21 206 центнеров; выполнено 42 проц.

По экспорту 35 000 центнеров; выполнено 19 проц.

Скудные, позорные цифры. А ведь до конца январской путины осталось полтора месяца. И рыба не будет жадать, пока мы управимся. Значит, надо спешить.

На заводе стихийное ударничество среди лучшей части рабочих, еще не подцензурное и не поддержанное законом. Рабочие не знают о результатах работы своего станка, бригады, цеха. План не доведен до станка. Нет учета. Замечательно, что на заводе можно говорить с любовью о социалистическом соревновании, вне завода — стыдятся. Это прориски семеня кулацкого типа, «Жоржиковского» влияния.

Угрюмые сопки, обросшие щетиной таежники, ежедневно будит гулком в 6 утра, а шибанит — в 12 ночи. Завод мал. Рабочих нехватает. Но лучшая часть рабочих понимает, что работать надо хотя бы и 12 и 16 часов в сутки.

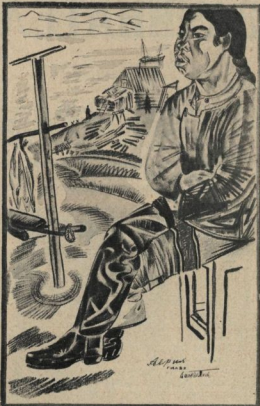
Мы не скудим. Мы не шепчемся по углам. Мы доковылял, что команды головсков сегодня привели большой улов.

Больше чем вера.

Вот эти слова следовало бы написать огромными буквами на камушковом полотноике и протянуть над проходной будкой завода. Сопки приехали и слушают, как трудятся люди. Все вместе: русские и корейки, китайцы и украинцы. Когда гаснут заводские огни, проубаждается пристань. Мотористы разогреты примус своих моторов.

Качавсь на волнах, мерцав сигнальными огнями, идут навстречу ночи, на восток, мотокатер, кунгусы, шаланды и каваски. Ударники-ловцы идут добывать сырье — жирные руна сардинки.

Занежилось, посидело море. Посидели зеленые сопки от пришедшего с заморской стороны непрошеного гостя — тумана. О берег скалистый зеленой лапой злобно бьет прибой. Пачнут чайки. Будет шторм. Пусть штормит! Головскы все-таки выходят к морю. Они ударники. Им не «слабит» в бурю.

СЛУ-У-ША-АИ! ТРЕВОГА! ТРЕВОГА!

В бюджете страны рыбное хозяйство приобретает все большее и большее значение. Задача — рыбная пятилетка в три года — должна быть выполнена полностью. От выполнения рыбной пятилетки зависит разрешение сыбной проблемы, проблемы рабочего снабжения.

При умелом, гибком хозяйствовании, при подборе крепких кадров Дальний Восток сможет прокормить не один десяток миллионов протрапиреющей своей вкусной, разнообразной рыбой. Фраза «Дальний Восток — край неисчерпаемых богатств» — мертвая фраза. Богатства эти плавают в море, лежат под ногами, топчутся нами. И чтобы их добыть, нужны не «Жоржики», а ударники-инициативы, большевистские племя.

Не верьте тому, что плещется на нехватку людей. Дело не в количестве, а в качестве. Нехватает не «вниного» количества, а людских инциативов, подлинных героев пятилетки.

Дальневосточный крайком ВЛКСМ учел это и весной 1930 г. мобилизовал на рыбачьи горсточку комсомольцев. Большинство разбегалось, не принес никакой пользы. Идея комсомольской мобилизации заплата на десертникам.

Подобные мобилизации являются дискредитацией союза и напоминают стрельбу из хапоушек по слоновьему стаду. Нужно помнить, что мобилизация на прорывы рыбного фронта не есть истинноинициативность, а первая помощь больному производству.

Недавно мы прочли в «Комсомолке» решение ЦК ВЛКСМ о вербовке 1 200 комсомольцев-добровольцев на советский Сахалин. И мы спрашиваем у своей организации:

Нужна ли дешевая, вкусная рыба протрапирециям?

Нужно ли повысить реальную зарплату рабочего, снабдив его дешевой рыбой?

Нужна ли машина стране?

И, наконец, не наше ли дело оживить пьяные рыбалки ударничеством, проверить сакропритного, зажечь их огнем производственного инциатива?

Мы кричим через «Смену»:

— Комсомол! Сау-ша-аи! Рыбачки Дальнего Востока бьют в большой барабан тревогу. Вербуйте добровольцев! Дайте сильное подкрепление! Подберите нам людей стабильного, большевистского закала!

Остров Попова, Японское море, Октябрь, 1930.

ЗАЧИНАТЕЛИ

3. Чаган

Силами старых партизан, отважных революционных рабочих и молодых энтузиастов старой Урал превращается в социалистический. Магнитогорский завод—одно из крупнейших заводов советской индустрии—вылетает новое, свежую кровь, дает новые силы, вдохнет вторую молодость седому Уралу.

Недавно с Магнитогорск сообщения по телеграфу: Платина готова. Заготовлено 100 тонн раньше срока... Правый берег яшера победителем. Восточный завод вымылен на 100 проц... Правобережное примыкание рени Урал готово...

На Магнитогорск развинулся бой об образцовое выполнение большинства темпов, превращение «убогий ящик России» в страну социализма. 3. Чаган похваляет нам людей сегодняшнего Урала, отважных бойцов на рудниках социализма.

1

Судьбы и деятельность этих людей не пересекаются, а идут рядом. На площадке великих работ они пришли с разных сторон. Страна неохватна, людей—миллионы. У этих двух человек разные возрасты и привычки. Например, инженер Герасимов, придя с работы к бараку, сначала поспит на ступеньках, выкурит папиросу, поговорит с близоруким Ляховичем и лишь потом он поднимается по деревянной лестнице наверх, где начнет тщательно умыться, причешется. Когда инженер Герасимов будет готов к тому, чтобы сесть за стол и взять в руки приготовленный женой стакан чая, то на отдаленном участке, за три с половиной километра отсюда, молодой арматурщик уже успеет побороться, поест, и основательно, от стирки до стирки, прочесть по-листа местной газеты. У арматурщика Савичева и у Герасимова, как вы заметили, различные скорости, но это верно лишь отчасти. Савичев спешит на собрание, где подумает о завтрашнем дне и о лучшем способе повседневной работы; Герасимов же, вернувшись с площадки и поужинав, будет работать над картой. Темы жизни того и другого не пересекаются, а совпадают и движутся в одну сторону, параллельно. И эти два человека, которые не знают друг друга в лицо, будут рядом идти очень долго. Дорога—работа. Работа есть движение, а движение бесконечно. Так бесконечно будет идти эти два человека, у которых та же судьба, что у страны, переделываемой со страстным упорством. Пшчу о Герасимове и о другом—арматурщике—потому, что они в повседневной работе проявляют себя пионерами, т. е. зачинателями новых людских отношений, новой культуры труда. И не только так... Эти люди ощущают по-новому жизнь, день, труд и ощущения эти нигде не описаны. Через год на том месте, где сейчас бревна, котлована, яшера, где стоят бетонные мачты, звенит экскаватор и цепь из железных вагоночек с песком, гравием, щебнем,—через год тут появятся домины, потечет красный чугун. Арматурщик, как и тысяча иных строителей, перейдет на работу в другом месте. Последующие пятилетки потребуют новых домов—страшно много нужно нам стали, железа. И всюду строители, переходя со стройки на стройку, будут оставлять на земле железо-бетонный след из пятидесяти-метровой высоты сооружений. Строители переместятся, уйдут арматурщики. Через несколько лет покинет город Магнитку и Герасимов. Он будет строить другое, из других великих площадок. И страна, металлически преобразуясь, будет преобразовывать жизнь людей, что расставуся с работы тяжелым трудом: такой труд—ушел мажину. Герасимовы, Савичевы и сотни других магнитогорских строителей не они ли теперь на примере собственной жизни показывают пионерам новых человеческих путей?

2

Да, радостно видеть изменение вещи, материи, природы. Котлован будущей дома имел вадать пять метров в диаметре. До заливы котлована бетоном арматурщики работали над арматурой. Земляной конус с усеченной верхушкой туго охватывался железными прутьями. Арматурщики прозвали людьми на пружинах. Они быстро изменили строение котлована. Земля на глазах становилась железной, пропадала рыхлость, бесформенность и осыпание. Железные прутья тянулись вверх, стались по низу и жали бетоном. С ним они будут в неразрывном союзе. Арматурщики Савичева покончили с двумя котлованами дома раньше срока. Это приносит им радость. Ворвав шею в ворот просторной брезентовой куртки так, что голова начнется прямо от плеч, Савичев говорит: — Каждый сделал бы, но мы сделали быстро.

Журналист спрашивает у Савичева о наряде, подрауемая под этим словом наряд на работу, путевку из котловины пропраба к новому месту работы. Савичев поил «наряд» как вопрос о зароботке. И обиделся. Он сказал:

— Мы работаем без наряда. Не справились, сколько нам причитается.

И еще:

— Получим так, как получим. Про что еще хочешь знать?

— Как проходит разгрузка платформ?

— В два часа вместо полдня.

— А после двух часов?

— Ждем новой платформы.

Савичев выругался. Он не против разгрузки платформ. На железных дорогах—

завор. Подъемные пути Магнитогорска были забиты вагонами. Тут кирпич, цемент, бревна, машины. Некуда было принимать новый груз. Надо расчистить пути и освободить для него это место. Все участники вынуждены вышибать пробку на транспортном. Особый трехдневный работы не дал полной победы. Тогда отдельные бригады бетонщиков, плотников и арматурщиков превратились на время в грузчиков. Некоторые плотники и бетонщики жалели на разгрузке свои руки:

— Не наша это работа.

— Но с пробкой надо покончить, все встанет!

— Нет, дай нам нашу работу.

Для Савичева и разгрузка была крошечной работой. Но он ругался в ожидании платформ:

— Ожидание—не работа.

Пионер нового ощущения труда возмущен мертвым часом, пустотой, пробкой в такти рабочего времени. На глазах—изменение господствовавших раньше в стране формы труда. И работа Савичева—необычная форма соревнования. Бригада перебарывается с одного места на другое. Рядом нет знакомой соседней бригады, каждый соревнуется сам с собой, а все вместе—со стихией природы: сегодня—с досками, завтра—с землей. Если нехватит черно-рабочих, то завтра землякопики станут Савичева, доплати будут спешать, как меч. Только Савичев снова гневно выругался в ожидании отправки на новый участок работы. Вытнувшись в воротник куртки, он скажет отрывисто:

— Чорт... в пропраба, спит не на досках, а жаль.

Осказево, грубо, резко меняются очертания участков строительства. Зеленые

ЯЗЫК ЛЕНИНА

Окончание. Начало см. на 16 стр.

юрские паровозы Трансстрой тащат сегодня бесконечной длинной цепью вагонов. Вера еще тут белеста трава. Сегодня по слегка взрыханной земле протянута узкоколейка. Легко уловима изменения на реке, на плетине, на горе у подножья Магнитной, где заволают скалы или углубятся в воду, чтобы разведать, еще раз прощупать богатства. И так же физически уловим контуры пионера от нового. Он жадно обсеяется на работу, чтобы природу для себя переделать. В серой жесткой снежке, в больших сапогах, с желтой сбитой шапкой, идет Савичев на участок. Он спешит, чтобы собраться—в бараке ночью было холодно, сейчас еще не замаяны, возмущает медлительность тех, кто это должен переделать. На ходу говорит он товарищу:

— Вадерить на бетонитной башне немелость, пусть поболтается. Надо сегодня на собрании добиться отепления барак, не то подохнем.

Савичев крепко ступает. Вот платформы, бригада в сборе:

— Наме? — Савичев!

— Мелькают в воздухе доски. Работа в молчании. Доски складываются в штабеля, растут вверх четырехугольником из каяток. Кажется, что здесь труд без напряжения. Согласованный ритм облегчает, пружинит работу, платформа пустеет.

— Покури? — Покури.

— С арматурой дело шло лучше.

— Не суди! — Не отгадали ли доскам свою квалификацию?

— Дуришь от плохого желудка!—говорит Савичев.

Его квалификация—строить. Ему непонятны сетования других на то, что вот не исполняют—де по назначению, швыряют с места на место, ставят гуда, где неуспех, временный срыв, поражения. Савичев ведет бригаду, не задумываясь и без оглядки. Все участки работы—родные. Землекоп, грузчик! Зачем бояться этой работы, если нет арматурной? Разве он не пришел сюда строить? Можно ли требовать более привычной, удобной работы, если сегодня борьба с транспортной пробкой? Издали постановление поощрения новых вагонов. Паровоз сади. Платформы двигаются дразняще медленно, останавливаются, подходят прыжками-точками. Мертвые бревна сложены в стройном порядке. Пыхтят автокары. Свистки паровозов соперничают с гудками грузовиков. Тракторы тащат хаотично прицепных тележек и приспособлений. Гуд над площадкой. Тысячи людей режут землю лопатами, взрывают камень, тинут веревку бетонитные башни. Все в немаломном беспестанном движении. Новые линии приобтает земля, выдвигаются сооружения. Савичев обводит рукой окружающих, кричит платформам, бригаде, миру:

— Да-а-вай!

3 Всепогодная квалификация Савичева выражается в действительности, в осмысленной действительности, не знающей, что такое сомнение. В то время когда он убеждает в клубе собрание посетить и добиться немедленного отепления барак, где дует и льет дождь сквозь потолок, где в непогоду ночью лужи передают койки с места на место, спасаясь от воды, неприятно холодной,—в это время Герасимов, инженер, сидит дома, склонившись над картой. Сколько ему лет? Лицо сухо, глаза покраснели, лицо тридцатидеятого человека, глаза утомленного юноши. На строительстве много молодых инженеров. Они—прорабы, они—начальники цехов участков. Сместить, с какой-либо им поручают ответственнейшие участки работы, эта смелость равна общим магнитгорским масштабам. Запомнимо то, что среди инженеров боль-

шинство молодых. Как иначе? Завод-гигант строится молодежной страной, которая широко расправила плечи. Справа от карты—стакан ослепшего чая, на втором этаже все уже давно спит. В соседних комнатах—техники и деспятики. Герасимов с неохотой бросает взгляд на часы. Время летит, как много еще надо сделать! Чорт бы побрал этого прорья! Шебень опаздывает. Нехватает землекопов. Надо выприскаться, надо вырваться зубами все, что мешат. Все—путем бешеных, многотрудных усилий.

На карте—плав работ по декадам. Герасимов накружает бумажку новыми коловоками цифр, сжимает план, коловоки цифр растут вверх, вниз, вширь. Кубометры бетона, тонны цемента, тысячи досок, десятки тысяч штук кирпичей, сорок опалубочников, пятьдесят камешников. А где взять черно-рабочих? Да, где взять землекопов?

От этой мысли Герасимов становится холодно; он отхлебывает из стакана. Нехватка рабочих... Цель строительства нарушится. Инженер предвигает коловоку цифр справа налево: «Снизу их отсюда... А там?» Надо все переждать.

Два часа ночи. Как незаметно день слился с ночью, так и ночь, перешла в новое утро. И оно встает Герасимов, одетого шапкой. Не спомнит ли завтра план новые обстоятельства? Как будет со шебнем? По площадке земли, спланированной заново, среди лесов идет он—Герасимов, и он—Савичев, и еще тысячи в брезентовых куртках, они идут, эти пионеры, новых советских индустриальных путей, зачинатели новой культуры труда. Где о них поэмы и романы, оперы и полотна?

Магнитгорской

Рыцарский долг защиты его чести взяла на себя демократическая республика. Сильнейшим аргументом центра и фашистов против компартии было то, что она покупается на господа бога. Это являющую пролетариат на мысль: в дни выборов рады пролетарских безбожников пополнились несколькими тысячами новых членов.

А посмотрите-ка, сколько рабочих изучают русский язык!

— Зачем?

— Мы будем читать Ленина.

Гейк Гейк Нейман, член ЦК КПГ.

Ленин есть и в хорошем немецком переводе, но старики хотят иметь «живого» Ленина во всем обаянии его неповторимых строк.

Берлинский рабочий назвал своего сына «Ленин», его не приняли в школу. Он плюнул и назвал его «Марусь». Почему?

— Это единственное русское имя, которое мне известно.

И ходит мальчик Марусь по улицам на звание пролетарским сорванцам Видли и Карлушам. Марусь, так Марусь, чорт возьми! Разве хуже других ружь Марусь будут держать винтовку?

Старый дурак, запечатлевший в народном словаре свою веселую пошлость, ляпнул когда-то:

— Что русскому здорово, то немцу смерть.

Ну, так пожайте в Веддинг и скажите, чем это не Презли!

И если Бронин скажет нам, что вы вмешиваетесь в его внутренние дела, плюньте ему в харю, Бронингу: разве у революции есть внутренние дела, когда она начинает шагать материками и континентами?

Ветер революции пугает внутренние дела Германии. Арествуйте ветер, господни Бронинги! Посадите под замок ваших республиканских законов штурм, который подымается над вашей страной, который не знает границ и кордонов, который скоро неудержимо пойдет гулять по вашей вотчине, сметая с пути ваши жалкие манекены, дряблые, как кирасирские наряды у входа в королевский парк Потсдама.

Тогда германский рабочий заговорит с вами прекрасным русским языком—языком баррикад и штурмов, великолепным языком Ленина, языком пролетарской революции.

ИСПЫТАНИЕ

Ник. Добровольский

Поздняя осень двадцать девятого года достигла у затуманенного берега Волги, на Соромовской судостроительной верфи, несколько нефтяных шхун недостроенными. По производственному плану судоверфи, шхуны должны были к этому времени сняться с тросов, выйти из судам и тронуться вниз по течению к булюному Каптану. Предвидение заморозки грозило задержать шхуны до весны. Этот прорыв в судостроительной программе, героически предотвращенный беспрерывной работой ударной бригады, образовалась из-за нехватки квалифицированной рабочей силы на судоверфи.

Местное фабрично-заводское ученичество, расширенное до предельных размеров, не успевало выбрасывать в цеха нужного количества молодых производственников. Нехватка кадров угрожала взятием темпов. Тут во-время подошел со своим предложением судостроительный мастер, член партии, товарищ Шшиков. На заседании правления судоверфи он хмуро покосившая в кулак и озабоченно изламывая морщинами кожу лба, откидывая вкверху непослушные брови.

— Положение, товарищи, ясно... Такая школа ученичества массовых профессий нам необходима до зари.

По мысли Шшикова, должна была быть создана двухгодичная школа ученичества массовых профессий, которая бы в ударном порядке готовила необходимые кадры. К работам должны быть привлечены хорошие инструкторы по практике. Минимум времени — максимум знаний. Работа с самого начала — работать непосредственно, учеба неразрывно связана с практикой. Это будет не гостеница, а правильный большевистский выход из катарстрофического положения.

Правление сдержанно одобрило предложение Шшикова, утратившее смету, дали помещение, послали в ИТС служебную записку с просьбой выделить несколько инженеров для технико-педагогической помощи ЦУМПИ и на этом, с тихой радостью на сердце успокоились.

При первых же неуверенных шагах своей работы школа потеряла ряд неудач и чуть было окончательно не развалилась. Двести двадцать человек молодежи, преимущественно крестьянской, распределены по квалификациям: сверловщики, чеканишки, клепальщики, разметчики.

Всего образовалось семь учебных бригад. Поставили случайных инструкторов и — «работайте ребята, слыте до мастеров». От инструкторов потонуло духом настоящей, сочной мастеровщины.

Цех инструкторов на занятии, слегка покосившись, звонко икая и ширя морщинке, точно засаженные хмелем, глаза.

— Ты, парень, что такое есть и на сей подлой земле?

— Я — ученик...

— Врешь, болван, осел... Ты — сопля!

Ходи за водой!

— Не лезь дело это...

— Что?

И басовитый сильный голос «инструктора» внижительно доказывал парню, что если он и впредь будет прекословить «начальству», то век к его рукам зрелое не пристынет. Парень опустил голову и осторожно убежал из мастерских за угол улицы. Потом инструктора в ребята вывалили вестие, и над листом размеченного железа начинали азартно похрюкать пестрые карты.

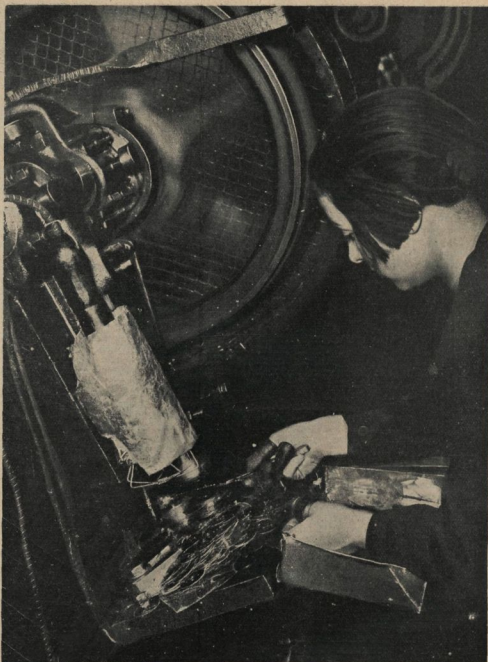
— Три семки.

— Дестка, вает.

— А, сволочь, запугать вдуема! Туз.

— А мы хозырно.

— Отставить. На сегодня хватит этой шуаки...

Школа гнила на молодом корню. Во время занятий парни ухарски выбивали из бутылки пробки, напивались и дико горлачили модную местную песню:

Я Инжгородского узла,

Из-под Мазинюки села,

Села в Саратов к нам приехал

Нажить денюжок без труда...

Инструктора боялись Шшикова, назначенного старшим среди них, и все, что делалось в школе, ловко скрывали, запуская ребят или заискивая их деньгами. Оттого почти вся школа дружно горлачила:

Беру топор и острый ножик,

Иду хозяина в ступу.

Оттого-то часть молодежи, не получив в школе никакого политического развития, из рваческих побуждений бросала учебу и бежала на производство.

— Не окутывай нас, — отвечали они шумловской комсомольской ячейке — Тут нам горячень приходится из-за тридцати шести рублей в месяц, а в цехе нам сразу семьдесят дают.

Чувствительная раница...

— Сволочи, вы... Шкурники, — возмущалась Рязанов, секретарь комсомольского коллектива школы, худощавый парень с бедными укорюющимися глазами.

Через несколько дней Рязанов поставил на партбюро вопрос о срочной реорганиза-

ции школы. Разложившихся инструкторов выставили, была вновь пересмотрена программа занятий, в которую включили теперь политико-воспитательный элемент.

В это же время Шшикова сняли с заседания ИТС.

— Вы не учитываете реальной обстановки. Ваша программа занятий левее не стоит. Развели какую-то межпланетность.

— А мелочи, которыми мы живем, проморгал.

— Проверим, — обиделись инженеры, составлявшие программу, и в мастерских, на полках с шуповниками, навали читать:

«Первый пункт. Деформация судна по лаву и сопротивление его.

Второй пункт. Разметка стрингеров, карлингеров и кассонов. Дальше.

— К черту, — взволновалась молодежь, — Вы нам инструмент сначала расскажите. Что значить и как применяется?

Инженеры поморщились, фыркнули и ушли.

Они думали, что школа бросится за ними по пятам, но ошиблись.

У старшего инструктора товарища Шшикова была составлена своя программа, и основу которой лег принцип слетения теории с практикой.

★
Три больших подноудвальных цеха. Сволочь запальенные стелса решетчатых окон бьет дневной свет. Вдоль по цеху протя-

нулись в три параллельных ряда свайчатые столы, по которым разложена необработанная заготовка для будущих каркосов судна—восемнадцатиметровое железо, загрузанное шпиковыми беллами. Беспрепятный металлический грохот тяжелыми волнами перекатывается в помешения и, вырывается наружу, застревает где-то в охотных перегородках, позванная стеклами.

— Третий стол. Чертеж номер четыре. Разметки по восьмой детали.

Не по летам бойко перекрикивает шум работы старик Малинин, поглаженная одной рукой беседу волнистую бородку, а другой что-то показывая на чертеже группе шумовцев. Он работает здесь инструктором. Добрый, отыгивающий старик, сам с трудом одолевший недавно грамоту, но прекрасно знающий путанные детали судого производства, пользуется у молодежи необык. овым успехом:

— Эт т десятка инструкторов стоит. Эво на бородато... Те плянужки, двюволя... Нас только баламутить...

Малинин, не один являк дет проработавший рядовым рабочим на судоверфи, получивший ученье и переведенный на пенсию, уприси администраторов оставить его инструктором, ибо ему без производства «жить невозможно». Часто старик вместе с молодежью рылся в учебниках, чертежах, отдавал ученикам все свои знания. По он с устойчивым вниманием седельных глаз наблюдает за рукой насерезнившегося, взломаченного паря-разметчика, который вычерчивает по грунту железа чертеж:

— Сопряжение угла на восьмидесят градусу, — говорит Малинин. — Верно. Твердая рука у тебя...

Лист железа, длиною в три метра и шириною в метр, при помощи небольшого крана перекатывается на другой стол, где лекашки термом — заостренные на конце стальные долото—делают на железе по вычерченному чертежу разметки в виде пробы.

После этого пробую окулают набитый круг, наложенный контрольным термом; по этому кругу на другом столе проведется колка железа сверлящим воздушным аппаратом.

Когда несколько наиболее развитых и способных ребят за полтора года прекраснo усвоили весь курс и попросили дать им сделанную работу, администрация отказалась только потому, чтобы не нарушить утвержденных сроков обучения. Тогда ребята взбаламутились и пошли жаловаться:

— Появил ма нашу работу. Все тонкости, можно сказать, усвоили. А вы нас морите. Стядно, товарищи. Девок мы все приобрели, пожелались даже, а вы с нами ребятахте. Совестно даже—ученики.

Администрация мало тронули эти мотивы, и жесткий отказ обрушился на просителей. Парни прежде всего устроили дебош («еза что бородисля»), а потом, с целью поучить расчет, несколько дней не являлись на работу. Комсомольская ячейка быстро вмешалась в дело. Рвачей, обучившихся за заводской счет, прижали по линии профсоюзной дисциплины, а вопрос о бригадах, сумевших благодаря внутреннему учебному соревнованию усвоить курс производственной квалификации раньше срока, был поставлен на широкое обсуждение шумовского коллектива.

Укоротить бригадам сроки обучения, а не мариновать их за примерную работу—такое было единодушное решение коллектива, прошедшее в жизнь.

Комсомольский коллектив к этому времени вырос в крупную организацию в сто человек. Дни бурлили, как в половодье иривная течь. Издалека потянуло запахом ранней весны. Судоверфь скоро потребует новые партии квалифицированных рабочих. Кривая выполнения программы круто взыла вверх, но теперь вздут застыла на одном уровне. Требуется квалифицированная сила.

Многочисленные собрания шумовцев наставляли на переводе учеников в цех на шхуны раньше времени. Среди учащихся чувствуется напряжение. Время не ждет.

★

«Дорогие товарищи. Мы, ученики школы мастеров профессий, под руководством нашей партии боремся за выполнение и перевыполнение производственных заданий. Халатное отношение с вашей стороны к своевременной подаче материала для разметки в наши мастерские благоприятно влияет на простои наших учеников. Последний случай, когда бригада простояла четыре дня из-за недостатка обработанных материалов, просто возмутителен. Мы призываем вас к борьбе за устранение имеющихся у нас недостатков в работе, за выполнение плана».

Бюро ячейки ВЛКСМ ШУМПГ.

Такую «ноту» администрации обрабатывающего цеха судоверфи посылают шумовцы, уже активно включившиеся в борьбу за промплан.

Чтобы избежать затворов в работе, бригады учеников создают строгий план прохождения обрабатываемой детали. Очень привлекателен конвейерный метод. Отдельный ученик-разметчик, производя над деталью свою операцию, не кладет ее в сторонку,

как было раньше, а сейчас ее передает ее ученику-сборщику. Контроль идет на другом погнал вниз обданный брэк. Четыре часа равномерно бросает рука, прирученная с первых дней обучения к шпиковой дисциплине труда, бесперебойные удары. Дисциплинированный ученик получает не безотчетный навык к определенному типу работы, что было неизбежно при учебе у мастера, а привыкает четко работать в коллективе.

Визуальный звонок прорезает общий шум работы. Четыре часа у переставленных окон. Часовой перерыв, потом четкие часы теоретической учебы. Шумовцы быстро присплавляются к завтраку. Густой пар от китая медленно затигивает в воздухе неплотные и затуманивает фигуры чистенького человека в технической фуражке, присягнувшего на угло стола. Инженеры все-таки пришли назад. В часы обеденного перерыва члены ИТС проводят с учениками беседы. Используется каждая минута свободного времени.

— Сегодня, товарищи, необходимо ознакомиться нам...

Теоретические занятия происходят в помещении мастеров. Вступительная лекция инструктора дает предварительную обзорную изучаемого материала. Затем бригады учеников получают задание, которое при помощи того же инструктора и учеников прорабатывается во всех деталях. Через каждые шесть месяцев ученику дается контрольное задание, по которому он работает определенное время. Заканчивание с его квалификацией дает контрольно-учетная комиссия. Первые бригады учеников были выпущены из ШУМПГ на производство по третьему разряду.

Однажды, когда новая партия учеников была уже подготовлена и готова к выпуску, в мастерские бежал разгоряченный Рязнов и, размахивая руками, стал путанно объяснять:

— Шхуну дают. Весь каркас обработать. Вот это задание! Возьмемся, ребята!

Три недели суетливый речной атер трепал на шхунах лохматые волосы шумовцев. Ребята пришли на шхуну без навыков вопроса, без смущения и суесть. Учеба воспитала, дала понятие об этих предметах, об этой обстановке. Все изучено до мелочей. Ручей в опытных руках капаляные аппараты. Святый воздух резким рывками наносит бойком сильные удары в разогретую шляпку болта. Примеренные листы железа крепко пришиваются к корпусу, внутреннее которого скоро задыт черная нефть. Заделяется кромка кантончик. Чекащик формирует в правильную шестигран головку болтов. Инструкторы работают вместе со своими бывшими учениками. Шхуна обрестает с каждым днем путаннми деталями. Своей тяжестью выдвигаясь она из-под себя, покачиваясь, крывает волны. Не верили судостроительные мастера, что ученики справиться с заданием. Не верили и сдержанно посмешались: «Дурные. Больно уж увлеклись в себе. Вот как мучаете. Посмотрим, посмотрим».

И посмотривали.

Администраторы таили в своих изможденных лицах опаску: «Как бы чего не вышло. Попорит судно мальчишки».

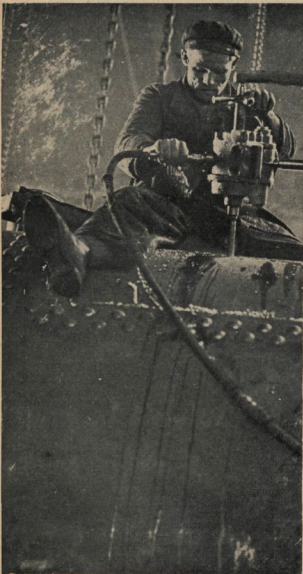
А грохот ударов слетал со шхуны густой стая. Плыла в волжскую даль любимая песня:

А вот давай по шпалам,
По шпалам, по шпалам...

Подходил конец работе на шхуне. Кривая выполнения задания тронулась и пошла еще выше.

Нотный цех завода «Трансмиссия» за 11 месяцев выполнения программы на 138,5% по общему исполнению плана завода на 109%.

На снимке: один из лучших премисловых ударников нотельного цеха, сверловщик тов. Шахматов.

ГЕРОИ ЕСТЬ ТОЛЬКО У НАС!

ТВОРЧЕСТВО АНАТОЛИЯ ГИДАША

ПРОЛЕТАРСКИЙ РЕБЕНОК

Бесполойным сердцем ищешь тебя, мать,
Как река в ледоход,
Ночью,
Когда мраком накрыт ее весна,—
Гудит во мне
Мое детство.
Сложны усталые руки,
Ты сидишь
Напротив меня.
Вечер,
Поздно,
День был так долог,
Так было много, так много работы.
В ряд полегли на полу
Шестеро спящих ребят.
Бесконечная
Тышина.
Только они дышат
Розовыми ротиками,
Которые позлабли закрыты,
Всем жаром, всем жаром сердца
Любю тебя,
Бесполойно ищешь тебя, мать,
Молодые матери идут с детьми,
Март ударит им солнцем в лицо —
А я нишу,
Которой из них
Могла бы быть
Ты.
Вот уж сорок лет, как деревни
Выпукнула в небо,
И ты пошла в люди,
Пошла служанкой,
Базоватой служанкой,
Мама,
Ты сидишь
Напротив меня.
Ты смотришь на спящий ряд,
И глаза твои удивительно счастливы.
Ты тихонько глядишь меня
По голове:
«Почему ты не лгешь еще,
Мой маленький мальчик?»
Я хотел бы сказать тебе
Что-нибудь хорошее, чтобы ты засмеялась,
Я не знаю, зачем так только сжимается горло,

Хотя я уже прибрал свой верстак.
Ты слышишь — вдаль
Гудит трамвай
Или поезд свистит.
А то — тышина.
Майский ветер
Часть отдает у дверей мастерской.
Мое детское сердце — плачет.
Я глажу твои сожженные руки,
Я говорю:
«Мама!
Я вырасту,
Я буду болючей
И я помогу тебе,
Вот увидишь».
Вот я вырос.
Ты найдешь меня спрашиваешь
О том, что я общаюсь.
И со сполохным сердцем тебе отвечаю:
«Это будет, мама.
Потерпи — будет.
Ты знаешь, я никогда не лгал тебе.
Повесели же мне и теплей:
Будет!
Видишь — вот у тебя выросли миллионы
сынов,
Уже целая страна — наша.
Видишь — вот у меня дочка, Эва.
Ведь это — смена.
Я иду,
По правую руку идешь ты,
По левую семятник Эва,
Поднимает на мне головушку».
Тан идем мы
День за днем,
Снова, снова и снова.
Ты начинаешь мы
День за днем,
Неустанно, чтобы добиться!
Март, ударяй нам солнцем в лицо!
Вот — на руках молодых матерей,
Точно поток жемчугов,
Шурша, прозревает, блестит
Светлые глаза детей!

Перевел Александр ПОММ

ТАРАН РЕВОЛЮЦИИ

Кл. Вакс

Гидаш — венгерский поэт. Но он не ограничен узкими рамками национального, он перерастает их.

Гидаш — пролетарский поэт. Поэт революции. В его творчестве отсутствуют националистические мотивы как таковые. О чем же песнь Гидаша? О хом он пишет, если ненавистным он стал не только буржуазии; всевозможная правая и «культурная» интеллигенция также расценивала и расценивает этого «грубого, бесстыдного и бескультурного» поэта как наглое наступление на святыню литературы.

В 1918 г. несколько тысяч вооруженных венгров принимали участие в гражданской войне в России на стороне большевиков. О них Гидаш говорит: «Это вот, это их маршеры мощных извятий, это вот, это в песню вдохнуть!». И он это делает.

«Встретим знамена интернациональных войск. Ибо герой есть только у нас и больше нигде» — разве могут это назвать поэзией те, для которых «героями» являются палачи и «культурными» революционеры? Изна для которых «поэзия» — это «чистое искусство, «бесхребетная» лирика.

Герой поэзии Гидаша — пролетариат. Его герои — рабочие венгерской революции 1920 г., «которую поглотила «желтая орава». Но в воспоминаниях о подавленной диктатуре больше призыва к новым боям, чем скорбей по утраченному: «Смотри! Гидаш, солдат, и перь в победу, в руке винтовку крепко сжал». Его герои — «босые и в пестрых шрамах», «дети нужды, дети бед». Маленькие годовалые пролетарские дети, закален-

ные «жестким асфальтом», наученные «звонкой злостью». Его герои — комсомольцы, «легкая конница». Они должны победить. Ненависть к классовому врагу, комсомольское венгерского крестьянства и рабочего класса вырастает с огромной силой в уверенность:

... Трубите, братья
Рать за ратью —
Весь мир восстанет.

Его герои — красногвардейцы, рабочие, металлисты, шахтеры, крестьянская гедно-та, солдаты империалистических армий; его герой — пролетариат.

Большая классовая направленность поэзии Гидаша выявляет ее той силой, которая заставляет ненавидеть врагов, которая призывает к неустанной борьбе и непреклонной вере в победу. Его поэзия, — это таран революции.

Песни Гидаша — песни героической борьбы пролетариата. Он обращается к рабочим, когда два товарища, брошенные в тюрьму, объявляют голодовку:

Кричите!
Потому что мы, страна,
Мы, вся страна, мы тоже
Лежим на смертном ложе.

Он призывает к мести, направляет злобу, ненависть к угнетенному классу многоотраслевой войск советского пролетариата, помещиков, скрывающихся в рабство детей, против фабрикантов, высасывающих все соки из рабочего класса и даже запрещающих кушать с детьми рабочим, против жандармов, про-

МЕЖДУНАРОДНОЕ БЮРО ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СОЗДАЛО В ХАРЬКОВЕ ПЕРВЫЙ СЪЕЗД РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ МИРА. НЕ СЧИТАЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, НА ЭТОМ СЪЕЗДЕ ПРЕДСТАВЛЕНЫ 230 ТАМЫ. РЕВОЛЮЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО ОРГАНИЗУЕТСЯ ДЛЯ БОРЬБЫ ПРОТИВ ОРГАНИЗАЦИИ НОВОЙ ВОЙНЫ, ВОИНСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ИСКЛЮЧАЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ, ОДИМ ИЗ ЛУЧШИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОТОРЫХ ЯВЛЯЕТСЯ ВЕНГЕРСКИЙ ПОЭТ АНАТОЛИЙ ГИДАШ. СТАНОВИТСЯ ОСТРЫМ КЛАССОВЫМ ОРУЖИЕМ В РУКАХ ПРОЛЕТАРИАТА, БОРЮЩЕГОСЯ ЗА СОЦИАЛИЗМ. ПЛАМЕННЫЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ ПРИВЕТ НОВАМ КАДРАМ ПРОЛЕТАРСКИХ ХУДОЖНИКОВ СЛОВА, ИДУЩИМ ИЗ НЕДР МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО КЛАССА И РАСТУЩИМ В КЛАССОВЫХ БОЯХ!

тив предачей, ушедших на службу к капитализму. Средства для выражения своей классовой ненависти Гидаша сообщаются. Сравнения смелы и метки, политически остры. Улица Конти, состоящая из одних домов терпимости, и социал-демократы, чей ЦК помещается на ней, — по существу одно и то же:

Бритые желтоблетики смеют
Кричать, что революции больше нет!
За сколько ты продалась
С нас продашь каждый час,
Улица Конти?

Поэзия Гидаша ведет венгерский пролетариат к второй революции:

Товарищ, винтовку бери на прицел!
Восставший народ бессилен в
борьбе!

Винтовкой добудем свободу себе!

Очень сильно сделано стихотворение «Ленин». Образ титана революции встает перед нами в полном освещении — в ослепительном блеске пролетариата, когда имя Ленина звучит «как боевой призыв», как «разрешение боя». Ленин — символ победы пролетариата, символ революции:

Ты — в красном значении нашей
злабы,
Ты — в слепом отчаянии голодной
трудолюб,
Ты — в подпольном огне фабричной
уторбы,
Ты — в последнем штурме рабочих
полюхов.

Поэзия Гидаша намечает определенные вехи и пути пролетарского искусства. Она возмущена тем, как называем мы «революционную» тематику как не суть поэзии, что можно и нужно отбросить камушки. Герой Гидаша многолик и все же конкретно един, — это миллионная армия пролетариата. Гидаш лучший сын своего класса. Он не провозглашает пустых слов о жертвенности, он не занимается «душепасением», он чудит только революционному пафосу, но все его поэзия — поэзия нева рабочего класса, поэзия разоблачителя и ненавистника буржуазии — наполнена бурным темпераментом. Неподдельная искренность и в ненависти к врагам и в любви к порабощенным заставляет нас не сомневаться, что именно теперь, в период обостренной классовой борьбы, его поэзия актуальна, необходима, что его творческий метод не отделим от плоти и крови его класса.

Поэзия Гидаша смертельно бьет по нашим эстетствующим лирикам, выразителям мелкобуржуазной психологии, копирующим в дерьба своих маленьких чувственности. Стихи Гидаша насыщены до предела классовым содержанием идей пролетариата. Это не публицистика — это истинная поэзия, поэзия востановшего класса, требующего места и категорически утверждающего, что:

Герой есть только у нас —
И больше нигде.

КАМНИ

Рассказ Г. Снектора

Джо работал на складе. Целый день он таскал тяжелые, скатанные валиком ковры туда, куда ему приказывали. До чего было трудно их таскать, эти проклятые ковры! Но что ковры: злилому Джо от мучения, они ведь еще тяжелее коврол!

Джо чувствовал, что алиозеум его окончательно доканают: он никогда не был сильным малым, а тут еще два раза болен и совсем обесслаб.

«Хорошо было бы найти работу полегче!» думал Джо.

Но в Нью-Йорке так много безработных. Искал, искал, но ничего другого найти не удалось.

До этого Джо очень долго был безработным. Хорошо, что удалось устроиться хоть здесь. Работа постоянная, а Джо удалось постепенно купить себе немножко мебели, радио и переехать с женой в Бронкс, подалее от Третьей авеню, в пяти минутах от городского парка.

Какое счастье жить так близко от парка! Каждое утро Джо водил туда своего мальчика, радостно слушая его лепет, с нежностью следил за тем, как тот играл комками грязи. Джо катал маленькие камушки, облепленные грязью, в руки, чуть-чуть раздвигая пальцы и вглядываясь в ребенка.

— Смотри — золото! Сантик золота! Тот весело смеялся и приносил все новые пригоршни грязи в руку Джо.

«Ах, — думал Джо, — какое счастье иметь жену, которая заботится о тебе! Когда приходишь домой после тяжелого трудового дня, она расширяет волной твое измученное тело. Какое счастье иметь ребенка, высоко подпрыгивать его в воздухе, крепко целовать и ежедневно радоваться тому, что он растет!»

Беднота Джо! По его измученному лицу, по набухшим жилам видно было, что он долго не сможет работать на складе. Скоро, скоро он инкура уже не будет годен!

Но пролетарий не должен задумываться. Он должен жить сегодняшним днем.

Джо был еще молод, но трудности жизни преждевременно его состарили. Его жена тоже была молода. Она выглядела такой тоненькой, нежной и бледной! Ведь одиннадцатилетней девочкой она уже скребла пол у чужих людей, а затем поступила на фабрику и там совсем зачахла. Она была страшна благодаря Джо за то, что он на ней женился, и очень его любила. Ей не легко было справиться с хозяйством, но она справлялась — Джо ей был так бесконечно дорог!

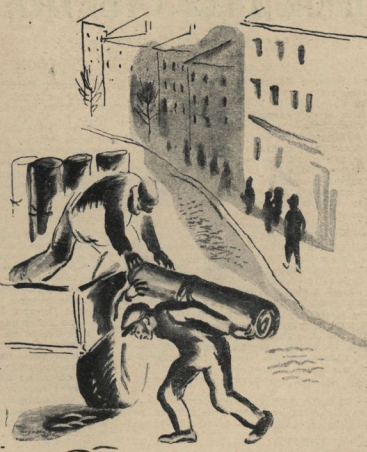
Да, у них нична шла жизнь, чем у соседей. Рядом жил шофер; он исчезал по целым неделям и потом вдруг неожиданно появлялся. Жена клаялась, что в один прекрасный день, когда он вернется домой, ее уже не будет. Конечно, это были пустые угрозы. Куда деваться с тремя детьми?

Глядя на все это, жена Джо думала, что ей очень повезло, что у нее такой хороший, такой любящий муж. А Джо думал, что это большое удача — зарабатывать двадцать два доллара в неделю и все-таки иметь вечером свободную минутку, чтобы покурить трубку и почитать газету и даже ирзредка позволить себе не идти пешком с работы, а ехать поезда. Они были очень простые, очень неприязнительные люди — Джо и его жена.

Но вот на работе стало замечать, что Джо не принадлежит к числу сильных и крепких людей. На складе работал большой, толстый черокобийчик, немецкий еврей, по имени Либера. У него было четыре детей, он жил на Соффолл-стритте. Когда его уволили, Джо пришлось работать вдвоем. Либера был такой удрученный, когда его рассчитали. Еще был Джо девять без работы? Работа — ад, но единственное, что тяжелее этого ада, — остаться без работы. Кто знает,

Перевод Р. Ландау

Рис. Е. Александров

что стало потом с этим немецким евреем? Кто интересуется этим? Может быть, он переусердствовал? Может быть, он сохранил бездушие трудностей, унижений, изнательств, может быть, где-нибудь умирает с голода?

Джо очень скоро забыл о существовании Либера. Его беспокоил вопрос, как сохранить работу. Ведь предприниматель всегда может нанести страшный удар!

После неожиданного увольнения Либера Джо жил в постоянном страхе. Утром он просыпался с тревогой в душе, торопливо одевался и бежал на работу. Больше уж не приходилось гулять с мальшом в парке. Ребенок не видел его по целым дням. Домой он возвращался поздно вечером. Жена постепенно вскакивала с постели, чтобы его накормить. И с каждым днем у Джо было все меньше уверенности, что он сохранит работу. Ясно было, что вопрос только в том, когда это произойдет. И вот однажды в субботу управляющий позвал Джо и ласково сказал ему, что он уволен.

— Почему? Почему? — уныло повторял Джо.

Тот жестко взглянул на него:

— На-днях, когда вы несли поклажу, особенно лилозеум, — сказал управляющий, — я видел, как вы вспотели от напряжения, и затем, знаете, вы работаете недостаточно быстро. Мы не можем держать слабоисных рабочих. Вот и все.

Джо печально побрел домой. Он смотрел на уныную толпу. Все они, эти бедняки, как и он, титенно пытаются создать себе дом и счастье на спичечном пекле, потому что работа, которую имеет пролетарий, — спичечный песок. Судьба целиком зависит от краснорожках, упитанных предпринимателей.

— Чертняк, что ли? — сверзнуло в утомленном мозгу измученного горем Джо. — Мы не людим! Почему мы позволяем, чтобы с нами так обращались? Почему мы так живем. Он вспоминал всех своих соседей. Несчастную полуопиешанную еврейку, обезумевшую от борьбы за существование.

Вспомнил жену шофера. У нее была зоб. Доктор ей сказал, что она должна есть легкую жидкую пищу и стараться не иметь больше детей. А разносчик фруктов — он тоже болен, страдает сахарной болезнью, у его жены рак. Сколько болезней вокруг! Каждый предприниматель и богачом до этого не никакого дела.

Джо медленно поднимался по лестнице, останавливаясь на каждом этаже.

Наконец он очутился у себя, открыл дверь, вошел в чулки, зажег электричество. Скоро отсюда придется выехать, мебель вся будет продана... Завоны ведь написаны дельцами для дельцов!

Жена еще спала. Она устала до изнеможения в последнее время она брала работу на дом с фабрики, чтобы немного подработать — они ждали второго ребенка, предстояли большие расходы...

По его лицу она сразу догадалась, что случилось. Поринство обидно его и беззвучно зарыдала. Ребенка опять придется отдать в приют! Он лежал в своей постельке и не подозревал о том, что его ожидает.

Жена Джо уныло подала ужин. Во всяком случае Джо должен подкрепиться. «Какая она заботливая, какая хорошая!» думал Джо.

Печально проснувшись они на следующее утро.

Воскресенье. В доме было тихо, тихо. После завтрака Джо взял ребенка и пошел в парк. Мальш шепетал всю дорогу. Джо утесся на траве. Голова горела, как в огне. Ребенок играл возле него. Мальш принес пригоршню грязи и весело летела:

Смотри, папа, золото! Золото!

Джо взял в руки комочек грязи, вынул из него маленькие камешки, блестящие на солнце. Чорт возьми, он крепче схватил их в руку, потом злобно отшвырнул.

— Это — камни, понимаешь, мой бедный мальчик, камни! — с воплем закричал он удивленному ребенку.

ГЕРОЙ ДАНИЛА ВЕТРОДУЕВ

А. Волок

Первый раз я его встретил шесть месяцев тому назад в буфете одной текстильной фабрики.

Он — грязной блузе, сильно поношенным и залачканным свитерком, заправленных в спецагонии с высокими голенищами, производил впечатление потомственного рабочего-кадровика. В этот раз и суждено было мне с ним познакомиться. Мне, изучающему проблему питания в заводских столовых и буфетах, было дано строжайшее поручение от редакционного начальства: «окунуться в самую гущу рабочих масс».

«Вот подлинный представитель самой подлинной гущи», подумал я, и, достав блокнот, подошел к потомственному пролетарию.

В этот момент он, ничего не подозревая, унывая варшен, одновременно запроывая за кулисы бутерброд с колбасой. Он оказался парнем артельным, и разговор-у нас завязался самым оживленным.

— Работно не да страх, а за совесть, — начал он ни с того, ни с сего рассказывать о себе, игнорируя все мои вопросы, связанные с проблемой питания. — Работники знают, только работай. Мы, представители рабочего класса, поборем все трудности, вопреки злобным панническим воплям правых панникерс. Мы...

— Скажите, товарищ, — перебил я его, — ваша заводская столовка способствует ли успешной борьбе рабочих масс за промфинплан?

— Да, мы работаем крепко, — продолжал он. — Что на того, что иной раз не удается пообедать, а вместо того отдаешь все силы промфинплану? Да, дорогой товарищ корреспондент, так и укажите в своей статье, что...

— Саушайте, товарищ, — начал раздражаться я, — мой регламент ограничен. В моем распоряжении очень мало времени, чтобы заниматься общими разговорами. Давно ли вы на фабрике?

— Это собственно неважно. Я хотя не очень давно, завтра уже будет три с половиной месяца, но тем не менее энтузиазм пролетарских масс заживает...

Я с ужасом понял, что напрасно потратил дорогое время, и поспешил поскорей исправить ошибку.

— До свидания, товарищ. Я спешу. Газетная работа весьма срочна. Дело не ждет. Всего хорошего, — сказал я, поднимаясь со скамьи.

— Одну минуточку, товарищ корреспондент. Бы даже, как ни странно, не потрулился узнать фамилию героя вашей корреспонденции. Ветродуев Данил Васильевич, рабочий отбельного цеха.

Я решительно направился к двери.

★

Через месяц я совсем забыл Данилу Васильевича Ветродуева. Бурные темпы жизни свели меня с десятками новых Ветродуевых, стверс очкачательно нямать об оригинальном собеседнике.

Число чудеса бывають в нашей жизни. К числу таких чудес я отнес свое вторую встречу с Данилой Ветродуевым.

По воле редакции с пищевых вопросов я был переинтерн на производственные. Новые времена — новые песни. Давша, макаронны, винегреты, биточки ушли для меня в область прошлого, уступили место ударичеству, соревнованию, промфинплану...

Я лечу в травмпункт на промзаводской механический гигант. Прошел заводской двор. Машинный цех издает зычный гул. Я остановился у дверей цеховой котторки в ожидании мастера. Мимо с визгом и шумом пропрессель тележки, наполненные до краев железным ломом. Одна из тележек, круто затормозив, остановилась около меня. Не успев я оглушиться, как огромная, точно паровой молот, рука опустилась ко мне на плечо.

— Товарищ корреспондент! Мое вам ижайшее. Старый ваш знакомый, наверно узнаете. Данила Ветродуев.

— Как? Тот самый, которого... — выпалил я от неожиданности, всматриваясь в знакомые черты лица. Да, это был он — Данила Васильевич. Но как он сюда попал? Ведь месяцы тому назад я его видел на текстильной фабрике.

Ветродуев поспешил рассеять мои недоумения:

— К Вам все насчет статеешек, а я в некотором роде сменил профессию.

— Так вы, значит...

— Да да, — перебил Ветродуев, не дав мне кончить фразу. — Я, основываясь на резолюциях ноябрьского пленума ЦК ленинской партии о форсировании металлургической промышленности, твердо решил, вопреки панническим воплям правых оппортунистов, бороться за генеральную линию нашей партии.

— А вы давно в партии, Ветродуев?

— Собственно, это не так важно. Я уже написал две рекомендации. Завлечение мое будет на-дних разбираться. Мой производственный энтузиазм, помноженный на цеховой промфинплан...

— Как подошел мастер. Мой собеседник поспешил к тележке.

— Небось, пел солдовое об энтузиазме, ударицичестве, а сам первый лодыр. Эх! — сказал мастер, махнув рукой, — работники пошла, четеого сказать. Больше все на словах, а на деле...

★

У ворот кожевенного завода я предельно сторуко удостоверение от редакции.

— Мы не пушам ни по хакки удостовереньям, товарищ. Ничные пошлы новые распорядки. Легитимировать нужно, а отсюда пропуск взять, а тогда мы пушам! — не жалко.

— А где регистрироваться?

— А вы в корпусе направи у нового начальства, к товарищу Ветродуеву.

«Ветродуев... что-то знакомое... Неужели это тот самый Ветродуев?» — вспомнил я

фамилию из своей статьи о прорыве, вышедшей месяц тому назад.

В маленьком охотничьем выдчике пропусков я увидел знакомую рожу Даниила Васильевича.

— А, какими судьбами? — определил он меня своим приветствием, протягивая руку, точно старому знакомому.

— Мне бы нужно пропуск в дубильный цех, товарищ. Я спешу.

— Куда спешить? Не можете уж на минутку заехать в наши бесшестные. А знаете, что я вам скажу — вы неправы. Были по отношению ко мне. Нельзя так подходить к товарищу по классу. Это, знайте, не по-товарищески... Мне по причине вашей корреспонденции пришлось, как видите, сменить специальность. Ну, дело не в этом. Нам все равно. Быть ли десятниками революция или рядовыми углекопами, как выразился товарищ Томский на XVI съезде нашей партии.

— Как вы уже в партии?

— Не придираться к отдельным фразам ц не возводите мелоч в принцип. Мое дело сегодня собирать пропуск. Но это не имеет прямого отношения к теме нашего разговора. Вы, товарищ Быстров (так было подписана моя статья), согласитесь, что поступили нетактично в своей корреспонденции.

Я с нетерпением напомнил Ветродуеву о цели своего прихода.

— Это можно. Пропуск покажут. Вот сию минутку, № 133. Ну, а что касается моей работы, то вы на это не смотрите, я и здесь покажу свою преданность социалистическому отечеству...

★

— С кондитерской фабрики просят... Что-то насчет промфинплана.

— Товарищ, — заговорил в трубку. — У нас имеется ценный опыт. Наши стенигазеты «Красный кондитер» организовали выставку лодыр, прогульшюк и лгунов. Опыт ползет для других фабрик. Уж имеются хорошие результаты. Хорошо, если бы приехал к нам представитель редакции...

Через сорок минут у нас вошла я в ворота кондитерской фабрики. Из цехов шел приятный шоколадно-конфетный запах. Я направился в корпус — особняк, стоящий на левой стороне двора, в котором помещались чтечий и завкома. Был обесчелый перерыв. В ячкее стоял шум. Густой слой дна окутывала головы людей. Меня встретила вихрастая, с распластанным воротом рубахи комсомолка — член бюро ячейки. Он быстро откуда-то вытиснул председателя производственной комиссии завкома, и вот мы очутились перед длинной, во всю стену, стенигазетой «Красный кондитер».

— Вот ознакомьтесь, — говорил председатель производственной комиссии. — Наши заводские летуны.

На предпоследней колонне стенигазеты под большим вышлелем «Не суди!» отлегунов вострел красавшая фотография знакомого мне человека.

— Ба, Ветродуев! — чуть не закричал я.

— Да, Ветродуев! — чуть не закричал и он. — Он сам Ветродуев. Всего три недели на нашей фабрике. Герой, так сказать, в своей области!

УДАРНИКИ

В

ЛИТЕРАТУРУ!

Н. Боровой

Борьба за социализм, борьба за выполнение промфинплана родила и вырастила новые формы труда. На одном заводе по собственной инициативе рабочих рождалась новая форма труда, новая и лучшая форма контроля и выполнения промфинплана.

Предложения одного завода чаще всего подхватывались другими, но сколько еще новых форм, сколько еще опыта в борьбе за промфинплан не имеет возможности стать достоянием широких масс!

Социалистическое соревнование, ударничество, встречный план, сказовые бригады — такой громаднейшей переворот в психике человека совершают эти новые формы социалистического труда.

Отношение к труду как к чему-то казальному, ненавистному заменяется героическим желанием изменить жизнь. Рождаются новые люди, с муками, трудностями — вчерашние прогульщики, вчерашние пьяницы. Большие и невиданные процессы происходят сейчас в рабочем классе, требующие немедленного отображения и глубокого раскрытия.

Пролетарская литература, имеющая большие заслуги, в своем настоящем состоянии неизбежно должна была отставать. Реконструктивный период предъявил новые и повышенные требования к литературе. Реконструктивный период заставляет перестроиться и как в производстве на основе прошлого накопленного опыта начать работать по-новому. От пролетарской литературы требуется сейчас раскрытие и продвижение новых процессов социалистического строительства, отображение и борьба за изменение психики нового, социалистического рабочего. Без новых кадров, без активного участия рабочих-ударников пролетарской литературе не решить этой задачи. И поэтому призыв рабочих-ударников является историческим фактором создания настоящей перестройки. Организация боевых литературных ячеек на заводах и фабриках znamená собой новый этап развития пролетарской литературы.

На фабрике «Ливерс» старый неграмотный рабочий, проработавший на производстве 30 лет, рассказывал о том, что дочь его прочла ему книжку Михайлова «В борьбе за металл» и поэтому он пришел в местный штаб по призыву с просьбой помочь ему написать книжку о своем производстве. Там же рабочие-ударники отделили, при труднейших условиях выполнившие план и призванные в литературу, пишут книгу об отделе. На других предприятиях заводятся дневники в комсомольских ячейках для изображения борьбы ячейки за промфинплан. Вот эта работа и самое активное участие в заводских газетах и является основной и самой главной работой ударников в литературе. Газубоякая учеба и создание читательских критических кружков, создание культурного рабочего является второй задачей. Заслуга призыва прежде всего в его массовости и заинтересованности, в привлечении к этому всех партийных и заводских организаций. На всех рабочих собраниях, во всех заводских газетах ставится вопрос о призыве и это делается для того, чтобы все рабочие, все организации поняли важность и чувствовали ответственность за литературный призыв, основными кадрами которого являются в первую очередь ударники.

Призыв ударников вовсе не ликвидирует смотр литкружков, начатого по инициативе «Смены». Наоборот, смотр работы большого количества созданных литкружков приобретает сейчас особую важность. Смотр, который не является единовременной кампанией, должен именно сейчас проверять, как призыв действительно оправдывает свои задачи, действительно является боевой ячейкой производства в борьбе за промфинплан, действительно культурно растет и привлекает новые массы рабочих-ударников. Именно сейчас смотр на основе перестройки литературы получает важное значение.

За смотр призыва ударников в литературу!

За смотр литературы для ударников!

Не превращайте смотр литкружков! Пишите в „Смену“, как он проходит.

НА ДНЕПРОСТРОЕ

ГОГИЯ

Очерк Н. Кальма

Терек точит желтую пену. Спинами буйволов выгнулись горы. Девдоракский ледник кажется кучкой просыпанного сахарного песка. Обледзлые, черные, вымазанные вазелином, чтобы не обгореть, плетутся кучки эвенов ОПТ. Обдавая их пылаю, мчатся автобусы Союзтранса, и шоферы, подражая куковским гайдам, скороговоркой поясняют:

— Обернитесь налево — развалины замка царны Тамари. В замке царны — скотоводческая артель. Обернитесь направо — скала «Пронес, господи». Скалы больше не существует — она обвалилась...

Военно-Грузинская дорога похожа на старую гимназический альбом — скалы, горы и даже камни истерчены, исписаны и разрисованы туристами, жаждущими бессмертия. В числе достопримечательностей дороги, на ряду с древними храмами и горами, теперь показывают автограф какого Кому Микадзе, 20 лет, распявшегося на 12-метровой высоте.

Для людей, приехавших издалека, природа здесь вытатила свою самую пышную бутадорфию. Чтобы дополнить картину, не хватает только вездика-гора в бурке, с кинжалом за поясом. Но вот и он.

Из-за поворота показывается длинноногая горская лошадка. В казачком седле крепко сидит смуглый, горбоносый парень в бурке, которая делает еще шире его и без того широкие плечи.

Туристы интересуются этнографией. Захватывается первый узел дорожного разговора.

- Вы эстини? Осетин?
- Осетин, — отвечает горец, вскидывая горные глаза.
- Вы откуда сейчас?
- В Душет был... дела был...
- Вы живете в Душете?
- Нет... Я Душет ездил, налет делал, — едит связка зубов парень.
- Как? Налет?! Так, значит, правда все то, что говорились в Москве о разбойничьих привычках горцев.

Путешественники похрюкиво ошупывают свои бумажники, но наиболее бокаре решают использовать минуту индальчюкской откровенности:

- Так-ак... А позволте поинтересоваться, где же вы совершали валет налет?
- На кооператив налет делал, — равнодушно отвечает осетин.
- На кооператив? — Глаза бегают горца, пытаются проникнуть под бурку. Вероятно там, под этими широкими, как черное море, складками скрыта мануфактура, продукты, может быть целый парфюмерный отдел кооператива.
- Я с товарищами налет делал, — неожиданно продолжает осетин, — ребята очень остались недовольны — плохой кооператив и Душет: володита, грязь, кумовство... Базо-бразиле!

Снег, как сахарный песок, просыпан на горах.

Лейция о молочном хозяйстве для колхозники в Узбекистане.

И, обращаясь к ошалевшим туристам, он поясняет:

— Я руководитель комсомольская легкая кавалерия. Мой имя — Гогия Галиев. Будем познать.

Из-под бурки протягивается для рукопожатия цепкая черная рука. Так впервые увидели мы «легкую кавалерию» на коне.

★

Из всех горных птенцов осетинская молодежь едва ли не самая культурная и передовая. Гогия Галиев — один из тех молодых активистов, которые строят путь за пядью новый Кавказ. Он селезет с седла, отводит лошадь к стороне от дороги и расстилает на земле мхотную бурку. Под буркой он одет в сетчатую рубашку, и связка ячiekи сетки просвечивает смуглою, прочное тело. Неторопливо, обстоятельно Гогия рассказывает:

— Центр Северной Осетии — Владикавказ, центр южной — Цхинвали. И в Осетии, как вообще на Кавказе, свежа ненавистная память о грузинских меньшевиках. В первые годы революции Цхинвали тоже был ареной национальной борьбы. Грузинские меньшевики вытравляли и всех осетин. Памятниками этого времени остались обугленные остатки сожженных аулов да потайные убежища в ближних горах, куда скрывались гориные.

— Потом грузинский белогвардеец не стало, старина сказавши, на большевский прогнал. Я был темный, ничего не знал. Я работал — рыл оросительный канал. Там был один комсомолец-русский. Он меня учил, все показал — я поступил в комсомол. Быстро идет, развертывается судьба молодого осетина. Вот он уже агитатор и член партии. Год, проведенный в Красной армии, сделал из дикого горного детеныша грамотного политически, стремящегося к дальнейшей учебе партии. Областком послал Гогин на рабфак в Ростов-на-Дону.

— Я сказал — хочу учиться. Кончу рабфак, буду просить послать во вузу. Хочу у нас в Цхинвали строить электростанцию.

С началом этого рабфака в Ростове. Все народности Кавказа прислали туда своих лучших птенцов. Балкарцы, карачаевцы, грузины, осетины, абхазцы и др. подготавливаются там к поступлению в вузы, к тому, чтобы стать участничками строительства у себя на роди-

не. Гогия Галиев — председатель набирю на рабфаке. Сейчас у Гогин и его товарищ кинжалом. Летнее время молодые рабфаковцы используют для проведения большой общественной работы.

— Я был в Цхинвали, — говорит, подперев рукою голову, Гогин. Мой отец инвалид, работает в колхозе. Там старики бузу делали, хотели весь колхоз разбаранить. Мой отец сказал: «Поди, позови их, поговори». Я им сказал: «Как при меньшевиках жинете?» Они говорят: «Совсем не жини». Я спрашиваю: «Как при большевиках жинете?» Они говорят: «Неплохо жинем!» Поговорили, в их уговоры опять войти в колхоз. Потом мы с товарищами старую школу обследовали, организовали новую кустарную школу для женщины.

С темной, с косяком, с железной силой нелепых традиций приходится бороться кавказскому комсомолу. Здесь еще водятся родовая месть, поножничан и расправа оружием по самим инчюкным поводам.

— Ну, ничего, справимся, — говорит Гогия, седлая лошадь. — Нужно только, чтобы было больше ученых осетин. Я буду учиться во вузам, потом буду инженер, буду жить в Цхинвали, старики будут меня слушать.

Он вскакивает в седло, стегает лошадь, мунится. Кажется, что Дарьяловские ушесте раздвигаются перед легкой кавалерией.

Гора Джамара, Северный Кавказ.

ПЕРВЫЕ МОТКИ

Ник. Мар

В год, когда строилась фабрика в Мытищах, Воробьев мог справиться с юбилей своего трехлетнего существования на земле. Позже такие юбилеи справлять было некогда. Революция, комсомол, партия, работа и учеба.

Первая фабрика искусственного волокна в России была построена в 1909 году в Мытищах под Москвой. До 1914 года она давала 140 тыс. килограммов шелка в год, а из-за границы ввозили раз в 8—10 больше.

★

Француз Шардонне в 1884 году получил из раствора нитроцеллюлозы в эфирно-алкогольной смеси первую нить искусственного шелка. Через девять лет известные химики Кросс и Беван нашли способ получать шелк из вискозы.

С тех пор искусственный шелк двинулся, неся победы, завоевывал новые страны и рынки. В 1913 году во всем мире искусственного шелка было выработано всего 12 млн. килограммов, в 1925 г. эта цифра увеличилась до 94,5 млн., в 1926/27 г. выработано было уже 120 млн. килограммов.

На стороне обжорливых шелковичных червей, дающих натуральный шелк, единственный козырь: искусственный шелк натуральному на 13—14 процентов уступает в прочности, но зато он в 5—6 раз дешевле его. Опасность для шелковичных червей идет из необъятных хвойных лесов: самая обыкновенная, ничем не замечательная ель дает целлюлозу, из которой и изготавливается искусственный шелк. Он идет не только на хааты для китайских мандаринов и чудовищно дорогое стоящее платье светских модниц, но и на чулки, фуфайки, жакеты. Шелк перестает быть роскошью. Хлопок и лен получают солидного союзника.

★

К 23 годам Воробьев кончая Промышленную академию и еще с комсомольским билетом в кармане стал начальником 18-миллионного строительства.

Мотволокнострой 1 — это неудобно для проношения, но это прекрасно: корпуса из бетона и стекла, сложившие почти по-человечески умные машины — будущая фабрика искусственного шелка с производительностью в 4 тыс. килограммов в день.

Фабрика строится; она, как ребенок, ничего голодная и требовательная. Воробьев не помнит, когда он пользовался выходным днем. Нужны кирпич и цемент, из-за которых приостанавливается рост прекрасных бетонно-стеклянных корпусов, нужно оборудование, котлы, трубы. Нужны люди.

Многие корпуса еще не освободились от скрупулы лесов, часть их с незаконченными крышами похожа на большие раскрытые корбики. Но уже развевает тину гуд моторов. В свете небольшого здания равномерные движения умных машин и удивительная чистота. Опытная установка им. «Комсомольской правды» дает первые мотки искусственного шелка.

Целлюлоза, оболочка растительной клетки, — на вид самая обыкновенная папка и похожа на куски еврейской мацы. Целлюлозу сначала подсушивают, доводя влажность ее до 6%, а потом два часа мочат в едком натре. Гидропресс всередине своей в 250 атмосфер давления сжимает целлюлозу, и три часа она крутится в измельчителе, похожем на громадную мисорубку.

Шелковичные черви прожорливы — целлюлоза хвапривна.

Двое суток лежит она в прохладной камере предварительного созревания. В барах целлюлоза подвергается обработке сероводородом — так получается канат; он желто-оранжевого цвета и вязкий. Растворяясь в щелочи, канат дает вискозу. Она

Могилевский Волокнострой в Белоруссии.

проходит смеситель и фильерпрессы, отдает, «зреть» в вискозном потребле и попадает на прядильную машину. Здесь-то и происходит образование нити.

В прядильной машине встречается вискоза с восстановительной ванной. На стеклянный ролик — газету — идет тонкая желтая нить; опускаясь вниз, она попадает в центрифугу, делающую 6 тысяч оборотов в минуту. Нить получила кручение и ложится круглыми конусными мотками.

Прядильная машина со своими 36 веретеными солидна и самоуверена, мотальная машина только вертлява. Но при всей своей вертлявости и несолидности мотальная машина твердо знает дело: через точно определенное количество оборотов останавливает колесо с мотком шелка.

С мотальной машины шелк идет в ванны, там его «облагораживают» — моют в воде, с сернистой натре, соляной кислоте и растворе белильной извести. Готовые мотки шелка блестящи и тяжелы.

На опытной установке только одна прядильная машина — на фабрике их будет 42 по 96 веретен в каждой.

Длина каждой машины — 13 метров, и установка ее требует исключительной точности. Немецкие монтеры устанавливали на-глаз, полагаясь на свой опыт. Помощник мастера Миндлина не мог с этим согласиться, ведь это очень неточно — на-глаз; ведь самый маленький и незаметный перекокс грозит вывести из строя мотор, да и всю машину, раньше срока; ведь сами же немцы рас-

сказывали, как во Франции из-за неточной установки машина проработала только две недели и вышла из строя; ведь каждая прядильная машина стоит 30 тысяч золотом.

Нет, на-глаз не годится.

И Миндлин занялся изобретательством.

Нужно было найти идеально прямую линию, от которой можно было бы отталкиваться. Прибор, сконструированный Миндлинным, оказался удивительно простым. На краях машины, между штанг, укреплялись раздвижные подставки, от которых идет отвес; равнялся по отвесу, через всю станцию натягивается шнурок — та идеально прямая линия, которая была нужна. Приспособление это было так обидно просто, что немецкие монтеры встречали его сначала несколько скептически. Но пришлось сладиться: при всей несложности прибор так же исключал малейшую возможность перекокса, как внимательность слесаря Жолудева исключала возможность вредительства.

Укрепленные на сантиметр полу станины похожи на скелеты каменных чудовищ. Постепенно обростая частями и деталями, они оживают. К жизни их вызывают локви, внимательные слесари-монтеры.

В прядильной машине № 5 за полчаса до пробного пуска были обнаружены шурупы. У предателей был расчет вывести машину из строя. Но вредители просчитались. Они не учли, что у машин работают хозяева, они не учли внимательности слесаря Жолудева. Вредительство было обнаружено.

Секретарь комсомольской ячейки Семилежков терпеливо ждал. Дудочная, с непокрытыми торчашими в стороны волосами, а поношенной парусиной толстовке, комсомолец-начальник строительства Воробьев разговаривал с двумя немецкими инженерами.

— Соседиство заграничного коверкота, полированных лысок, потрясающей солидности, ровных очков с поношенной скромной толстовкой выглядело несколько странно: о чем, казалось, могли говорить эти совершенно разные люди!

Семилежков ждал.
Немцы ушли. У Воробьева осталась главный инженер. Почти сразу же подошли трое, возбужденно спорящие о покупке драгоценивого на строительство олова. Наконец, ушли все. Уборщина принесла чай.

— Есть предложение, — сказал Семилежков.

— Какое?
— На нескольких заводах комсомольские коллективы в помощь директорам и управителям выделяют бригады. Выделим и мы. Дадим лучших — будут они в твоем распоряжении. Все задания и поручения будешь отдавать через бригадир. Обсудим это дело на собрании.
— Согласен!

Сидели на верстаках, у подножья недавно установленных станков, на ящиках с импортным оборудованием — комсомольское собрание шло в слесарно-механическом цехе. Каждую кандидатуру обсуждали отдельно. Выбрали пять лучших.

На постройке было много разговоров о крышах. Поздно осенью начали покрывать рубероидом и дом крыши. В шпекле, по-голландски, несомотру, сделали это плохо. И зимой, в оттепель, а особенно весной потекли крыши: пошла вода на драгоценное заграничное оборудование. Пользуясь случаем, немецкими деньгами, теперь торопились с ремонтом крыш. Нужен был на крышах свой хозяйский глаз.

На строительстве нехватает цементу — каждая бочка его на учете. Необходимо экономить, отстоять во вторую очередь неважные постройки, заменить цемент другими материалами.

Бригада следила и за крышами, и за цементом. Это были ее первые задания, первая помощь Воробьеву.

★

Город грязен и стар. В городе пыльные улицы, две обдуваемых ветром, неслезная и неузнаваемая каменная арка, деревянный мост через Днепр, базар.

Старые грязные дома точно заплатыми обделены вывесками: «Портной», «Часовых дел мастер», опять «Портной», «Жестяник», «Скорняк», сына «Часовых дел мастер» — в городе, кажется, на каждый старый будильник приходится два мастера. Каждая вывеска — это вопль нищеты, вопль возмущения «четой оседлости», по-иенским производное прошлого. Многие вывески сейчас уже — история. «Парижский портной Мовшицкий» никогда не видел Парижа. Но что поделать,

Нормежа шелководных червей в являше Негай.

если нечего есть? И Мовшицкий прибегает к этой наивной уловке в надежде получить сосидного заказчика.

Трактор времени перешагнет эти пыльные улицы с грязными, пестрыми от вывесок домами. Город торжествует, жалкой кустарницы, обывателей должен умереть.

Фабрика от города в четырех километрах. Есть несколько тучных, страдающих одышкой автобусов. В июне перевозка рабочих из города на постройку обошлась фабрике в 2500 рублей. В июле истрчено 3120 рублей.

А как подсчитать стоимость времени, которое бесцельно тратится на ожидание? ... В стороне от фабрики, на самом берегу Днепра, старый монастырь. Булыжник. От монахов остались кирпичная стена с большими воротами, две церкви, подурзавренный сечной завод, несколько домов, сад. От более поздних хозяйств, которые часть сменились, осталась разруха, грязь, клопы.

Но в Булыниках есть все условия для создания хорошего рабочего поселка. Комсомольцы выставили требование потропиться с ремонтом и помочь создать молодежное общежитие.

★

Опытная установка им. «Комсомольской Правды», кроме тяжелых баястических мотков шелка, должна готовить еще и людей — квалифицированных рабочих для новых корпусов. День работы — день учебы. Химические законы и формулы, вычитанные из книг накануне, на производстве становятся осязательными, понятными.

На опытной установке большинство комсомольцев.

На опытной установке растут новые люди. Вся Белоруссия готовилась справлять 10-летие освобождения от бело-полюков. А в подвале оставалась неспряденной вискоза. Перезревшая вискоза не годится. Праздничная день — значит выбросить уйму ценного продукта.

Без разговоров, почти без сговора остались на работе с комсомольцами мастер Иванов, смелый химик Рогинский, прядильщик Акулович, электик Рыбаков. На восстановительной ванне остался Гварюшко. Они работали всю ночь, пока вискоза не была спрядена.

ЛИОНСКИЕ ШЕЛКОПРЯДЫ

Эгон Эрвин Киш

— Я плую на весь мир, — сказал шелководный червь.

Сказано, сделано. Он плует на мир и из плевка строит себе домок, герметически закрытый, яйцеобразный, гладкий. Затем червь хочет превратиться в бабочку.

Но червь предполагает, а человек располагает и жлет только того, чтобы червь ложился своей домок. Тогда человек обрывает его своей собственностью, собирает домок, кладет их под пар и вытвигивает из домки шелковую нитку часто длиной в 1200 м, а сам червяк не больше 8 см.

Некоторые коконы даже не убивают, чтобы они клали яйца, чтобы выродились новые шелководные черви, которые будут строить маленькие домки для больших лионских шелководных фабрик.

Все ядлет в Лионе, все что шелководные черви прядут в Китае и Италии, все шелковые нитки жлет желто-серого швета.

В Лионе их тхут, красят, а затем женщины жлето мечтают приобрести сделанные из плевка шелководного червя материи.

ФАБРИКАНТЫ БЕЗ ФАБРИК

Собственно только одна часть Лиона, хохмистый Круа-Русс, изготовляет шелка для всего мира. Но все же говорят о Лионе, никогда не упоминают Круа-Русс.

Адреса фабрикантов указывают не Круа-Русс, а ту торговую часть города, которую омывает Рона. В переулочках вокруг Большого театра мазывают вывески крупных шелководных фабрикантов. Надо прибавить, что эти крупные лионские фабриканты не имеют фабрик! Мало того, вместе со многими другими фабрикантами без фабрик они жинут в покосившихся домишках — это и есть фабрики. Кроме того, каждый фабрикант имеет свою контору, там выбираются рисунки, покупаются нитки, распределяется работа рабочих на дому и рассылаются готовые материалы.

ФАБРИКИ БЕЗ ФАБРИКАНТОВ

Мы говорили о лионских фабрикантах, не имеющих фабрик, а теперь будем говорить о лионских шелкопрядях. Учительные у них фабрики. С улицы слышно, как эти фабрики работают, но их самих не видно; во всех дворах Круа-Русс существуют пристройки, в которых помещаются такие мастерские. Непрерывно слышится однообразное клик-кляк, клик-кляк! Ввиду сидят шелкопряды из своего станка, полученного ими в наследство от отцов и дедов.

«СТРАШНАЯ» ПРАВДА

Лионский шелкопряд прядет шелк, и ему помогают его сыновья и дочери и внуки, как он сам когда-то с детских лет помогал своему отцу и деду, потому что и его дед уже был шелкопрядом и участвовал в лионском голодом бунте 1831 г. Теперь больше фабрики ошительно снизили заработок шелководов. Они попрежнему сидят в Круа-Руссе со своими детьми, и внуками и тхут одноименные материи однообразных рисунков за иезкую плату.

Клик-кляк, клик-кляк! — слышится из всех домов, из всех этажей, из всех квартир Круа-Русса. Сначала это пение станков кажется однообразным, одинаковым, но постепенно начинают отпадать, когда клик-кляк относится к изотопленному муара, когда тюрля, креп-де-шина или бархата.

Церковные одежды изготавливаются необычайно пышно, и за работу платят по 400 франков за метр (правда, этот метр прядут шезую нелью). Делаются здесь и мешочки для пороха, в пущенных ядрах, — это особенный шелк, горит без огня, и порох не высветается, пока не взорвется.

Такой образом, лионский шелк помогает разрываться миллионам артиллерийских снарядов и в то же время — так уж издана повелось на земле — старается залечить нанесенные им раны — участвует в изготовлении английских пластырей...

НА СНИМКЕ: Пленку ячейки комсомола Илья Мазарского района Таджикской ССР.

КЛАСС ПРОТИВ КЛАССА

Полиция Лос-Анжелоса (Калифорния) арестовала участницу рабочей демонстрации.

Берлинские комсомольцы идут на митинг.

Безработные в Токио (Япония) ночуют на мосту.

Рабочий санитар Ничо после нападения на социал-фашистов.

Избитый бойцом фашистов гамбургский рабочий Людвиг Грассе.

Нью-Йорке тысячи безработных ежедневно выстраиваются в очередь в надежде получить работу.

СМОТРО В КАРЕНЬ

А. Хамаев

1-я БЫТОВАЯ ПРОБЛЕМА РАЙОНА

В 1928 году жизни подстины ребят-одиночек, учеников Иваново-Вознесенской районской ФЗО, стала предметом обсуждения комсомольского коллектива. Было бы очень плохо, если бы коллектив этого завода, как бытовые в постоянной нужде, в страшных гигиенических и бытовых условиях ребята, не имеющие своей семьи, и ничего бы не предпринял.

Коллектив после долгих упорных боев с хозяйственниками добился помещения под общежитие. Правда, пришли туда ребята жить с пространной декларацией о безграничных соборствованиях, но жизнь бесцеремонно опровергнула их расчеты. Кроме умения говорить красивые слова, надо было обладать умением подчинить себя общим интересам, надо было иметь в активе дружбу, слаженность и оплот. Но ни первого, ни второго, ни третьего у ребят не было. Общежитие существовало зря. Существовало кое-как и одно время чуть было не оборвалось толстой корой болезненных прививаний. Они по-прежнему были ликвидированы волей всего коллектива школы. Но мысль о коммуне не перестала тревожить ребят. Нарастала реальная необходимость в общем питании, общих мыслях, общих делах. За это голосовали очень решительно бюджет, настроения... Не нужно было уже принимать резолюций о необходимости коммуны; нужны были дела. Но... это «но» и заставляло посетить автора этих строк с полномочиями от будущих коммунаров в Москву. Дело в том, что на глазах многих ребят развалилась коммуна при фабрике «Красная Талка». Еще ввачили существование другие коммуны. Причина: не было опыта. Хотя бы одна сносная книжечка, статья! Только «Смена» кое-что писала о коммунах, да и то недостаточно. И вот решается вопрос о поездке «за опытом» в первую районную коммуну в Москву. В ту самую коммуну, которая расположена в поселении громадных серых домов нового пролетарского Дубровского поселка (приблизительно так начинаются все очерки о коммуне в нашей прессе).

Приехал и сюда не как гость, а как коммунар, разделяющий все «радости и печали» коммуны.

ЭТО ХОРОШО

Морские пассажиры, как известно, имеют первое знакомство с морем через «морскую болезнь». Первые дни я точно также был подвержен «морской болезни», но только в обратном смысле. В ту самую коммуну, которая хороша. Почему-то я был уверен, что если и есть недостатки в коммуне, то они незначительны, случайны и, конечно, легко устранимы.

Я ошибся. Коммуна имеет ряд серьезных промахов и болезней, которые безусловно не так-то уж легко могут быть устранены. О некоторых из них я расскажу. Но отказать коммуне в ряде успехов и достижений—это доказывать, что есть чернота и цвет. Верное достижение коммуны — это обществление. Здесь обществлено все. Возвыщен зарплату. Коммуна поставила знак равенства между заработной платой в 30 рублей и 200 рублей. Если фабрично-коммунары Волынский и Марек оба вносят в месяц 60 рублей, то коммунар Тарасевич один вносит около двухсот. Деньги целиком сдают в кассу, а уже оттуда коммунар получает на расходы. Очень интересен и поучителен расход основных денег в коммуне:

Питание — 50%
Ком. услуги — 17%
Травяной — 6%
Помощь родным — 7%.

Содержание кухарки, стирка и страхование — 5%.

Одежда — 13%.
Культрасходы — 6% и т. д.
Коммунары организовали очень приличное собственное питание. Коммуна не помнит случая, чтобы кто-либо оставался голодным. Все же собственная кухня — это минус коммуны, ибо ночью бы не сомневался в индивидуальном питании, это значит пойти на компромисс с прошлым.

Нам часто приходилось вставать втүник от таких мелких, но в то же время важных вопросов:

— А что, если у парня ботинки разноاست? Костюм изорвется?

Нам казалось, что расходы одного должны быть прямо пропорциональны расходам другого. В коммуне такой пропорции не существует и такие вопросы решают очень просто. По мере необходимости все чистится, покупается новое и т. д. И здесь, безусловно, особенно выигрывают личные интересы каждого. И если та или иная секция (контроль коммуны) будет слаба в своей работе, то это уже граничит с началом тихого, спящего, но развала коммуны, так как полномочиями и интересами отдельных коммунаров над общими характеризует фактический развал. Товарищи москвичи, у вас с секциями не вполне благополучно — они замаруют. Предупредите последних!

К успехам коммуны надо отнести активность всех коммунаров в производстве и на общественной работе.

ЧУЖАКИ

Главная гарантия жизнестойкости коммуны — это такой подбор людей, который избавил бы ее от индивидуализма, резко выраженных собственных настроений, недружелюбия и т. д.

При организации коммуны нужно иметь здоровое ядро, которое бы подчинило своему влиянию вновь поступающих. Уроки первой пролетарской коммуны настоятельно требуют от необходимости крайне тщательного пристра к семье коммунаров.

В первых числах января этого года в коммуну был принят молодой пареня с завода «Серп и молот», комсомолец К-я.

Прием ограничился нижеследующим разговором на общем собрании коммуны, где его принимали.

— Ударишь?
— Что дальше думаешь делать?
— Буду стараться остаться на заводе. Учиться нет настроения.
— Каждый день читаешь газеты?
— Да.
— Отец-крестянин не думает в колхоз итти?
— Собирается.

Парня приняли. И вот теперь только ребята осознали свою ошибку. Оказалось, что парень страшно необщителен, недисциплинирован, капризен и т. д. В двадцатых числах июня он симулировал с больничным бюллетенем.

Из другой пример.

Принял в коммуну одну девочку. Ребята знали, что она из интеллигентной семьи. Конечно, начитанной, привыкшей к комфорту девушке обстановка коммуны не понравилась. Она начала капризничать.

СЕМЬЯ В КОММУНЕ

Однажды на повестку дня общего собрания поставлен вопрос о взаимоотношениях одного коммунара с женой. Этот коммунар далеко шагнул за пределы сносных человеческих отношений. Он форменным образом игнорирует жену.

Поскольку оба они являлись адептами коммуны, последняя должна была разрешить этот неблаговидный вопрос.

Так должно было быть, но так не случилось.

Председатель совета коммуны Тарасевич авторитетно заявил:

— Я не знаю, зачем этот вопрос поставлен на собрании. Я думаю, что супруги разорвется и забудут сами.

Вопрос был смазан. Между тем, вопрос о семье в коммуне является очень сложным. Коммуна сама по себе, со своим общими питанием, расходом денег и т. д. в некотором смысле является семьей. И если в этой семье появляются «настojщие» семьи. У москвичей сразу трудно различить в массе коммунаров мужа и жену — и это хорошо. В коммуне живет пять женатых ребят; им всем даны отдельные комнаты. Дети воспитываются за счет коммуны. В противное Ленинградской коммуне «123-х», где о девушке даже нельзя думать, здесь вопрос о «праве на любовь» даже не решали. И это правильно. Если пареня задумал жениться, коммуна решает: годна ли для жизни в коммуне его «пловина». Точно также, понятное, ставится вопрос, когда девушка выходит замуж за парня—«теккомунар». И если кому-то хочется жениться, коммуна или тактого парня нельзя принять, то коммунар или коммунарка решают: или коммуна или семейная жизнь.

ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ НЕТ

Коммуна обидел и рядом других слабостей. Одна из самых основных, главных — это отсутствие всякой общественной работы. Эта слабость, будуча по сплоченности и развитию ребят, усугубляется еще тем, что в коммуне надоедливо повторяется оправдание:

— Это неправда. Если одна часть ребят действительно занята «по-горло», то другая имеет достаточно времени, чтобы обсудить статью, книжку и др.

Местами в коммуне ребята духа коллективизма собираются посещением кино и театров. Собрания коммунаров решают вопросы, которые имеют значение только для четырех стен квартиры. Все это говорит за то, что в коммуне такую же слабость, как и слабая работа секторов коммуны родит благоприятную почву для процветания дележеских, полумещанских настроений.

ПОРА ПРИСТУПИТЬ К ДЕЛУ

Пару слов о руководстве. Райком, заводские организации забыли о коммуне. Да если бы они и не забывали, все же руководство они дать не могли бы потому, что в движении «бытовиков» они ровным счетом ничего не понимают.

Все дело сводится к реальным посещениям, которые имеют характер экскурсий в своеобразный «зоологический сад». В речах поощающих коммуны товарищей мало слов и много восклицательных знамен.

Газеты продолжают печатать очерки о коммуне, которые слащавы, поверхностны, и обыкновенно, только относительно верны. Того, определенного руководства коммуной нет, и это болевое место не только в отношении коммуны, но и по всему движению. Пора уже ставить вопрос об организационной системе, образовании центрального руководства и издании специального журнала.

НЕ СКУЛИТЬ, А СТРОИТЬ

«Несмотря на ряд промахов и болезней, коммуне будет существовать», заявил мне один коммунар.

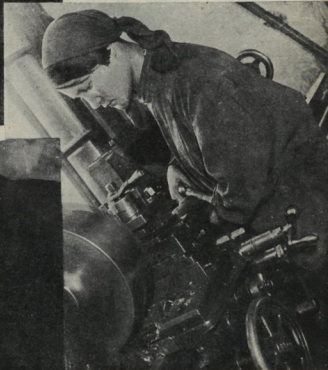
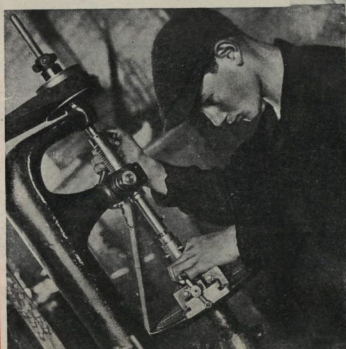
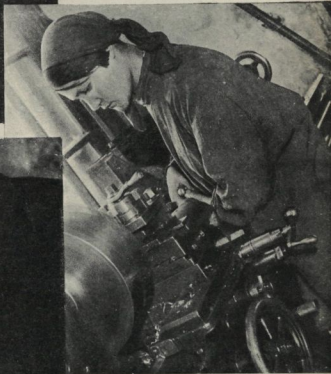
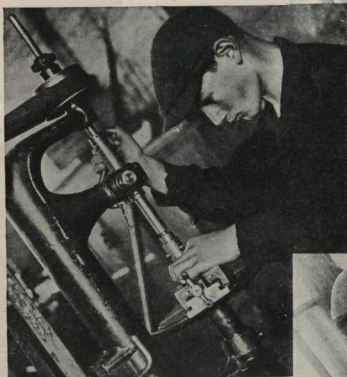
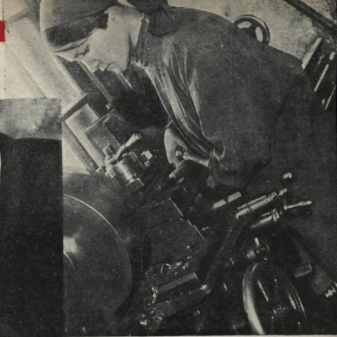
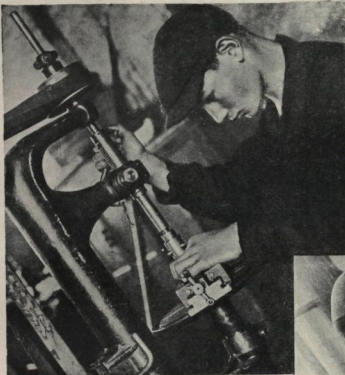
И этому заявлению, видя энтузиазм и настроение подавляющей части коммуны, нельзя не верить.

Коммуна у нас молодая, и их организмы, как организм ребенка, крайне неравно функционируют. Потому, когда коммуна расшатывается, не скулите о гибели и тупике. Ищете ищете пути, чтобы коммуны не были способны на существование, что имеет время после пятилетия и т. д.

Мы солнцем радости весь этот мир
 обрзимем,
 Мы рядом с партией проходим
 трудный путь.
 И коль она от нас
 потребует
 три: жизни,
 Все три мы отдадим,
 Не обидев ничуть.
 А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

**СОЦИАЛИЗМ РАСТЕТ. СОЦИАЛИЗМ
 КРЕПНЕТ. СОЦИАЛИЗМ ПОБЕЖДАЕТ!**

Комсомолец —
 к ноге нога!
 Плечо к плечу!
 Марш!
 Товарищ,
 тверже шагай!
 Марш греми наш!
 Пусть их скулит дядьё!
 Наши ряды юны.
 Мы,
 наверно, войдем
 в самый полдень коммуны.
 В. МАЯКОВСКИЙ

20 ноя.

Г 47102

Кого прославить нам?

Ну, это ясно:

в с е х.

Всех, кто во времени, таком большом и жестком,

Не только в праздниках,

Но в трудных буднях смог

Всем сердцем,

мускулами,

мыслью,

кровью,

мозгом

Вливаться капелькой в невиданный поток.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

Главлит № А-80.979. Отпеч. в 7-й тип. «Искра Революции» Мосполиграф
Арбат, Филипповский пер., 13-8. Т. 2700.

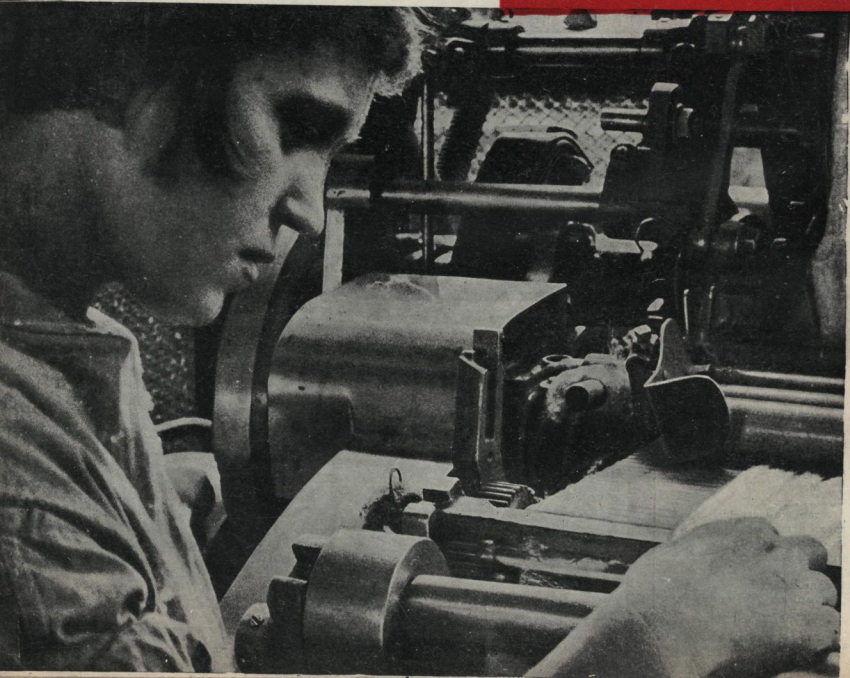

Фото Е. Игнатович
Монтаж В. Степановой